
W 111/91

300-ЛѢТІЕ СИБИРИ.

ПРАЗДНОВАНІЕ

въ

ПЕТЕРБУРГѢ и МОСКВѢ

дня

26-го Октября 1581 года.

Издано съ благотворительною цѣлью.

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1882.

2007111224

300-ЛѢТІЕ СИБИРИ.

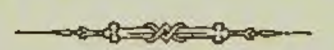
ПРАЗДНОВАНІЕ

ВЪ

ПЕТЕРБУРГѢ и МОСКВѢ

ДНЯ

26 Октября 1581 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ѳ. Елеонскаго и К°. Невскій проспектъ, д. № 134.
1882.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 Марта 1862 года.

Въ сибирскомъ обществѣ и въ печати весьма давно шли толки о праздновавіи 300-лѣтняго юбилея завоеванія Сибири, по этому поводу не мало появилось статей въ мѣстной и столичной печати. Тотъ интересъ и то вниманіе, которое возникло въ сибирскихъ городахъ къ юбилею показываетъ, что сибирское общество начало болѣе внимательно относиться къ своей исторической жизни и исполнено нѣкотораго сознанія.

На первыхъ же порахъ однако въ литературѣ возникъ вопросъ о годѣ и моментѣ празднованія, причемъ высказаны были различныя сужденія и возбудились даже споры. Не смотря на то, что въ Тобольскѣ было принято считать покореніе Сибири 26 октября 1581 г. первой побѣды Ермака, явилось мнѣніе, что настоящій юбилей долженъ праздноваться въ то время, когда вѣсть о покореніи была принесена московскому царю. Но въ историческихъ документахъ рѣшительно трудно было найти указаніе о времени пріѣзда въ Москву посланныхъ отъ Ермака казаковъ, а въ 1582 г. единственнымъ документомъ является опальная грамата Грознаго къ Строгановымъ. Пришлось признать, что первый слухъ о покореніи Сибири дошелъ до Москвы въ 1583 г., хотя собственно никакого историческаго слѣда, которымъ бы подтверждалось это заключеніе, не осталось.

Какъ бы то ни было, но вопросъ о времени празднованія юбилея не былъ еще оффиціально разрѣшенъ. Между тѣмъ ожиданіе и вступленіе, такъ сказать, въ періодъ трехсотлѣтія, не могли не выразиться заявленіемъ общественнаго чувства.

Подъ вліяніемъ этаго настроенія явилась мысль среди сибиряковъ, живущихъ въ столицахъ, ознаменовать день 26 октября—взятіе Ис-

кера—и выяснить вопросъ о сибирскомъ юбилеѣ, обсудивъ тѣ приготовленія, которыя могли быть сдѣланы ко дню предстоящаго празднованія юбилея. Празднованіе дня 26 октября состоялось въ видѣ обѣдовъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

При этомъ все, что было высказано на нихъ, имѣло прямое соотношеніе къ будущему юбилею, рисовало какъ прошлое, такъ и настоящее страны и выражало извѣстныя надежды на будущее.

Собрать этотъ матеріалъ, какъ и все выраженное печатью по поводу 300-лѣтія Сибири, мы считали не безъинтереснымъ и полезнымъ, какъ историческій памятникъ, прямо относящійся къ празднованію юбилея и характеристикѣ общественнаго настроенія.

Прежде описанія празднованія 26 октября 1881 г. мы считаемъ не лишнимъ коснуться происхожденія обѣдовъ и ихъ подготовленія.

Мысль о празднованіи 26 октября, взятіе Искера и первой побѣды Ермака, традиціонное у сибиряковъ, побудила ихъ сгруппироваться и обсудить чѣмъ могъ быть ознаменованъ этотъ день. Не имѣя возможности устроить празднованіе пышное и торжественное, уроженцы Сибири, въ Петербургѣ и Москвѣ, рѣшили собраться на обѣдъ и провести этотъ день вмѣстѣ, обмѣнявшись чувствами и мыслями. Такъ какъ многіе сибиряки въ столицахъ не были знакомы между собой и собрать ихъ частными оповѣщеніями было бы трудно, то положено было на устройство обѣда 26 октября испросить разрѣшеніе Министра Внутреннихъ дѣлъ и петербургскаго градоначальника, а за тѣмъ прибѣгнуть къ посредству наиболѣе распространенныхъ газетъ, въ которыхъ было напечатано слѣдующее объявленіе. «Въ виду приближающагося 300-лѣтія завоеванія Сибири, сибиряки, сибирячки и лица, посвятившія свои труды краю, приглашаются принять участіе въ обѣдѣ 26 октября, въ день взятія Искера. Обѣдъ будетъ въ гостинницѣ Демутъ».

Въ Москвѣ напечатано подобное же объявленіе, съ тою разницею въ редакціи, что приглашались: сибиряки, сибирячки и «лица сочувствующія процвѣтанію этого края».

---

26 октября 1881 года, въ залѣ гостинницы Демутъ состоялся Сибирскій обѣдъ въ ознаменованіе 300 лѣтняго присоединенія Сибири къ Россіи, считая памятный день взятія Искера началомъ покоренія обширной Восточной окраины. Праздновать этотъ день собралось болѣе двухъ сотъ человѣкъ. Это были большею частью сибиряки, сибирячки и лица посвящавшія свои труды Сибири. Среди нихъ виднѣлись генералы, профессора, доктора, студенты, уроженцы Сибири, учащіяся дѣвицы, курсистки и дамы, которымъ Сибирь была близка по воспоминаніямъ. На обѣдѣ участвовали почти всѣ члены комитета Общества Содѣйствія промышленности и торговли. Большая зала была освѣщена электрическимъ свѣтомъ. На сценѣ, убранной растеніями, лѣвая сторона которой состояла изъ елей и сосенъ, покрытыхъ снѣгомъ, спускался большой электрическій фонарь въ видѣ солнца, освѣщая золотой вѣнокъ на спущенной занавѣси съ надписью «26-го октября 1581—1881 года. Подъ звуки марша, въ половинѣ шестого присутствовавшіе заняли мѣста. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ генералъ-адъютантъ Л. П. Сафьяно, бывшій предсѣдатель Восточнаго Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества, рядомъ съ нимъ вице-предсѣдатель Императорскаго Географическаго Общества П. П. Семеновъ, далѣе Б. А. Милютинъ и др. Передъ присутствующими появилось меню съ рисункомъ Зичи, сѣверной природы и надписью «Сибирскій обѣдъ 26 октября 1881 года». Изъ отличительныхъ блюдъ были въ меню сибирскіе пельмени (по обыкновенію въ супѣ), рябчики съ салатомъ изъ сѣверныхъ ягодъ и мороженое изъ облѣпихи.

Оживленная бесѣда началась за столами, гдѣ соединились Сибиряки, связанные въ этотъ день одними чувствами и пожеланіями. Первый тостъ былъ провозглашенъ предсѣдателемъ за здоровье Государя Императора. Онъ былъ принятъ восторженно (общее ура).

Рядъ тостовъ и спичей былъ открытъ однимъ изъ распорядителей обѣда, Б. А. Милютинымъ.

Импровизированную рѣчь свою, произнесенную съ энергіей и глубокимъ чувствомъ, Б. А. Милютинъ началъ съ того, что «возбужденный въ прессѣ споръ относительно времени, съ котораго должно считаться присо-

единеніе Сибири, для собравшихся на трапезу, не долженъ имѣть особаго значенія. Составляетъ ли взятіе Ермакомъ Искера частный только эпизодъ или же онъ имѣетъ болѣе существенное значеніе, при празднованіи этого событія допускается ли ошибка на годъ, на два и на три,—важенъ лишь фактъ, а фактъ тотъ, что на призывъ отпраздновать извѣстное, исполненное глубокаго смысла, историческое событіе, откликнулись всѣ тѣ, коимъ дорога Сибирь по той или по другой причинѣ».

Предупредивъ за тѣмъ, что ораторъ не ставитъ своей задачей нарисовать, хотя крупными чертами, историческое прошедшее Сибири, такъ какъ «подобная задача была бы ему не подъ силу, да едва ли и умѣстна въ застольной рѣчи», Б. А. напомнилъ слушателямъ, что если принято ростъ человѣчества считать 25 лѣтними періодами, то надъ Сибирью и на пользу Сибири поработали 12 поколѣній; 13-е, представители котораго находятся въ залѣ—поколѣніе, которому предстоитъ еще дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Каждое поколѣніе, по словамъ оратора, вносило въ общую сокровищницу развитія Сибири свою долю дѣятельности, каждое можетъ указать на болѣе или менѣе достойныхъ представителей своихъ, каждое можетъ сослаться и на подвиги и на промахи и ошибки. «Но первымъ 10 «поколѣніямъ жилось легче. Имъ не приходилось мудрствовать лукаво. При «нихъ Сибирь жила одной жизнью съ Россіей. Тѣже формы государственнаго и общественнаго устройства, тѣ же условія общественной жизни, тѣ «же радости и тѣ же невзгоды».

Съ 20 годовъ настоящаго столѣтія обстоятельства измѣнились. Справедливо или несправедливо, но признано было нужнымъ заковать Сибирь въ другія формы административнаго устройства. Сибирь стала жить какой-то особой, своеобразной жизнью. То, что примѣнялось и примѣняется къ другимъ мѣстностямъ родины признавалось несоотвѣтственнымъ для Сибири. Дѣло дошло до того, что одному оффиціальному дѣятелю, въ оффиціальномъ же мѣстномъ изданіи, не безъ труда удалось напечатать статью, вся задача которой характеризировалась заглавіемъ. Заглавіе же статьи было: «Сибирь—та же Русь».

Не принимая на себя напомнить слушателямъ имена наиболѣе видныхъ дѣятелей каждаго поколѣнія, Б. А. высказалъ, что онъ не можетъ не допустить въ этомъ случаѣ одного исключенія,—напомнить о Сперанскомъ (въ этомъ мѣстѣ рѣчь была прервана громкими рукоплесканіями). Лучшій и безпристрастнѣйшій судья этого дѣятеля—сибирскій народъ. Имя Сперанскаго—этого Божьяго старца,—какъ наименовалъ его народъ, сохраняется и теперь въ народной памяти. Есть ли лучшая оцѣнка для государственнаго дѣятеля? «Мнѣ представляется и въ этотъ моментъ ликъ «этого Божіяго старца, выходившаго вечеромъ, въ часъ досуга, не въ «пышномъ, а скромномъ одѣяніи, на берегъ рѣки Ангары и задумчиво об«ращавшаго добродушный взоръ въ даль—на Западъ». Несомнѣнно то,

что такого правителя, какъ Сперанскій, Сибирь не видала, да едва ли когда либо и увидитъ.

Вспомянувъ о дѣятеляхъ Амурской «эпопеи», ожидающей до сихъ поръ лѣтописца, конечно, безпристрастнаго, тѣхъ завоевателей Сибири, которые шли въ нее подъ скромнымъ знаменемъ науки, при чемъ многіе покончили и жизнь на этомъ подвигѣ, другіе же стяжали себѣ неувядаемую славу, о тѣхъ изъ дѣятелей, которые, подобно Кузнецову, Соловьеву и другимъ, нажитое ими въ Сибири возвратили краю, преимущественно на народное образованіе, вспомнивъ съ глубокой благодарностью о тѣхъ счастливцахъ, которымъ удалось положить основаніе сибирскаго университета, Б. А. Милютинъ обратился къ присутствующимъ съ просьбой разрѣшить ему ту психологическую задачу, которая кидается въ глаза каждому, кто пожилъ хоть нѣсколько времени въ Сибири. «Не говорю о себѣ. Я знаю «многихъ, высказалъ онъ, которые, оставивъ Сибирь уже въ преклонныхъ «лѣтахъ, кладущихъ предѣлъ кипучей дѣятельности, которые, живя въ цент-«рахъ цивилизаціи, окруженные комфортомъ и матеріальнымъ достаткомъ, «тѣмъ не менѣе сокрушаются: зачѣмъ они оставили дорогую имъ Сибирь. «На разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ, вдохновляемые другими поже-«ланіями и идеалами, они тѣмъ не менѣе столь же сочувственно отклика-«ются на все, чѣмъ живетъ и волнуется Сибирь. Иду далѣе: никто изъ «присутствующихъ не отвергнетъ, что въ Сибирь стекались дѣятели раз-«ныхъ направленій и убѣжденій, стекались съ различными, даже противу-«положными цѣлями. Это разнообразіе убѣжденій и цѣлей, ведшее къ столк-«новеніямъ въ принципахъ, порождало между ними не только борьбу, но «непримиримую вражду. Но стоитъ только этимъ врагамъ сойтись на ней-«тральной почвѣ, стоитъ только кликнуть кличь, и подъ священный мечъ, «на которомъ написано лишь одно слово «Сибирь» сойдутся всѣ, забывъ «прежніе раздоры.

«Помянувъ доброй памятью всѣхъ отшедшихъ дѣятелей, порадѣвшихъ «на пользу Сибири, съ благодарностью къ современнымъ бойцамъ за пра-«вые принципы, безъ всякой зависти къ молодежи, которой придется осу-«ществлять завѣтнѣйшія мечты дорогаго края, съ вѣрой и надеждой въ «будущность его, воскликнемъ: за Сибирь».

Дружныя, долго не прерывавшіяся, рукоплесканія привѣтствовали оратора.

Послѣдующія рѣчи шли въ слѣдующемъ порядкѣ. *П. П. Семеновъ.* Милостивые Государи! Я принадлежу къ тому немногочисленному меньшинству, собравшихся здѣсь, которое не родилось въ Сибири. Я пріѣхалъ въ Сибирь въ качествѣ труженника науки, но она очаровала меня богатствомъ своей природы, очаровала своимъ гостепріимствомъ, развитостью и откровенностью своего народа. Много лицъ посѣщало Сибирь. Люди, которые

посвятили свои лучшіе годы на служеніе Сибири, всѣ становились Сибиряками въ смыслѣ симпатіи, любви къ Сибири.

Ученыя общества, которыя раскинули свою дѣятельность по всей Сибири, много обязаны ей. Общество Императорское Географическое, членомъ котораго я имѣю честь состоять, особенно обязано Сибири. Оно съ благодарностью вспоминаетъ Сибирь. Но есть одна еще болѣе глубокая связь Россіи съ Сибирью. Это—связь русскаго народа съ сибирскимъ.

Я видѣлъ въ наши голодные годы массы переселенцевъ, которые шли въ Сибирь. Я имѣлъ случай читать письма, призывающія русскихъ на житье въ Сибирь, всѣ онѣ дышали радушіемъ и описаніемъ богатствъ сибирской природы. И теперь Сибирь быстро заселяется. Скажу также, что Уральскій хребетъ служитъ могучею связью между Сибирью и Россіею, тутъ развилась уральская дѣятельность, которою процвѣтаетъ край. Уральская горная дѣятельность призываетъ сюда массы техниковъ и рабочихъ изъ Россіи. Въ настоящее время, Милостивые Государи, мы собрались сюда, чтобъ праздновать день, въ который русскіе, проникнувъ въ Сибирь, проложили путь къ колонизаціи ея, но черезъ два года мы будемъ торжествовать присоединеніе Сибири къ Россіи. Это празднованіе должно быть дорого сибирякамъ. Всѣ они общими, энергичными усиліями должны позаботиться, чтобъ сдѣлать это празднество наиболѣе торжественнымъ. И такъ, позвольте предложить тостъ за будущее Сибири, которое для насъ кажется несомнѣннымъ. Ура!

Затѣмъ Б. А. Милютинъ прочелъ письма, поздравительныя телеграммы отъ разныхъ лицъ и учрежденій Сибири, и рѣшено было отправить привѣтственныя телеграммы въ Москву и многіе города Сибири.

Султанъ Гази-Булатъ Вали-Ханъ, нынѣ ротмистръ лейбъ-гвардіи атаманскаго полка. «Одинъ изъ чингиссидовъ, находящійся среди васъ въ этотъ многознаменательный день, желаетъ сказать свое слово о великомъ значеніи объединенія, необходимаго между киргизами и другими сибирскими инородцами съ народностью русскою. Киргизскій народъ, отчасти, уже обмѣнялся языкомъ русскимъ, и много западныхъ сибиряковъ говорятъ по киргизски и наоборотъ. Хотя киргизы и называютъ коренныхъ сибиряковъ: урусъ-казакъ, а себя просто—казакъ, но желательно было-бы, чтобы эти особенности названій постепенно сглаживались, точно такъ же, какъ прежняя борьба между этими казачествами перешла нынѣ, съ поля брани, въ возвышенное соревнованіе—въ области культуры и цивилизаціи. Не забудемъ, господа, этихъ 2-хъ казачествъ, этихъ главныхъ виновниковъ настоящаго юбилея!—Какъ отрадно чувствуется всѣмъ намъ, сибирякамъ, что эта необъятная ширь сибирской земли, одна изъ главныхъ преградъ къ распространенію образованія между массами обитателей края, теперь начнетъ быстро уничтожаться съ постепеннымъ введеніемъ желѣзно-дорожныхъ путей!—Тогда быстрѣе будетъ совершаться и то великое историческое

явленіе въ жизни народовъ, которому я посвятилъ мою рѣчь: это объединеніе инородныхъ элементовъ Сибири съ элементомъ русскимъ!

Докторъ Прохоровъ. Милостивые Государи! Сила всякой страны обусловливается умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ населяющаго ее народа. Безъ этого условія, какъ бы ни были велики богатства страны, они мало принесутъ пользы народу. Сибирь страна богатая, она обладаетъ такими сокровищами какъ золото, серебро и другіе металлы; земли въ ней сколько угодно, лѣсу также; почва плодородная, рѣки многоводныя; къ восточной границѣ прилегаетъ океанъ. Казалось-бы, что при такихъ условіяхъ населеніе могло бы достигнуть высокой степени развитія, что въ многолюдныхъ сибирскихъ деревняхъ должны бы быть школы, что улучшеніе торговыхъ путей, давая возможность сбывать излишки земледѣльческихъ продуктовъ, обогащало бы населеніе, что въ городахъ сибирскихъ должны были быть техническія и земледѣльческія школы. Это ли мы видимъ? Какое зданіе прежде всего кидается въ глаза при въѣздѣ въ любой городъ?— Острогъ! При въѣздѣ въ село?—Этапъ! Рѣдко вы увидите школу, да и тѣ больше для проформы. Васъ поразитъ масса кабаковъ въ деревняхъ; васъ будетъ еще болѣе удивлять эта страшная безпомощность населенія, которое держатъ въ своихъ рукахъ нѣсколько міроѣдовъ! Васъ поразитъ эта масса нищихъ осаждающихъ васъ! Рядомъ съ этимъ вы встрѣтите болѣе или менѣе образованныхъ людей, принадлежащихъ къ классу купцовъ и золотопромышленниковъ. Они любятъ щегольнуть своимъ просвѣщеніемъ, любятъ сравнить себя съ американскими гражданами; но далеко имъ до американцевъ, которые гордятся образованіемъ своего народа, и девизъ которыхъ: «живи и жить давай другимъ»! Съ каждымъ открывшимся пріискомъ, заводомъ винокурней, зажиточность крестьянъ падаетъ. Увеличивается заработокъ, потребности съ этимъ не увеличиваются, кабаковъ безчисленное множество, и всѣ деньги пропиваются. Я самъ знаю нѣкоторыя деревни, гдѣ одинъ извозъ даетъ нѣсколько десятковъ тысячъ и гдѣ этимъ промысломъ занимается вся деревня, гдѣ слѣдовательно всѣ крестьяне богаты и всѣ поголовно безграматны; за то 10 «вольныхъ» продажъ питей замѣняютъ школы.

Россія страна бѣдная; въ ней нѣтъ возможности по неимѣнію средствъ у народа ввести обязательное обученіе, Сибирь же представляетъ совсѣмъ другія условія.

Мы, русскіе, на Востокѣ являемся въ очень странной роли: мы являемся распространителями христіанской цивилизаціи между инородцами, и что же видимъ? Корейцы всѣ граматны, обучаясь въ своихъ школахъ, которыхъ по нѣскольку въ каждой деревнѣ. Между Манзами нѣтъ безграматныхъ, а русское населеніе въ Восточной Сибири поголовно безграматно. Я добавлю къ этому, что на корейско-китайской границѣ казаками и крестьянами высказывается, что у Манзы и Корейца не душа, а паръ, и что убить его не грѣхъ!

Я желалъ бы чтобы слова мои были ложью, но къ сожалѣнію они правда голая и неподкрашенная. Всѣмъ богата Сибирь, лишь однимъ бѣдна—просвѣщеніемъ. У Сибири есть средства для образованія народа; необходима иниціатива, необходимо создать народныхъ учителей, необходимы учительскія семинаріи и школы. Пора дать народу что нибудь другое кромѣ кабаковъ.

Необходимо способствовать выведенію сибирскаго народа изъ того мрака и невѣжества, въ которомъ онъ находится. Пожелаемъ же болѣе свѣтлой и счастливой будущности Сибири.

Милостивые Государи! я предлагаю въ этотъ день образовать начало фонда для общества развитія народнаго образованія Сибири (общее ура).

Г. Андреевъ. Милостивые Государи! Въ общее понятіе о Сибири входитъ также Амурскій край, который имѣетъ задатки широкаго развитія. Онъ открываетъ путь въ Великій Океанъ. Несомнѣнно, что Великій Океанъ будетъ очень важенъ для Россіи по своему сосѣдству съ чрезвычайно богатыми прилегающими къ нему странами, особенно съ сосѣдними странами—Кореи и Китая, а также и симпатичной Японіи. Но не о будущемъ моя рѣчь. Прошедшее всегда опора будущаго. Я хочу вспомнить здѣсь адмирала Невельскаго и его сподвижниковъ, которые имѣли возможность достичь громадныхъ заслугъ. Я вспомню здѣсь и супругу адмирала Невельскаго, которая терпѣливо перенося лишенія, на которыя способны только нѣкоторыя лучшія женскія натуры, постоянно поддерживала энергію своего мужа и его сподвижниковъ. Она съумѣла стать историческою женщиною. Пусть же имена отшедшихъ дѣятелей Сибири будутъ вѣчно дороги для насъ. Итакъ я провозглашу тостъ за прежнихъ сподвижниковъ Амурскаго края. Ура!

Милостивые Государи! Вы слышали отзывы тѣхъ людей, которые были въ Сибири и которые ее такъ полюбили, что же намъ уроженцамъ Сибири остается выразить. Мы, большинство съ юныхъ лѣтъ оторванные отъ родины ради образованія, всѣ мы оканчивали здѣсь свои поприща, всѣ оставались здѣсь, но родина наша, далекая родина никогда насъ не видала, потому что всѣмъ намъ предстоялъ скромный путь труда. Но съ прошлаго царствованія восходитъ заря и для нашего будущаго—разрѣшенъ Сибирскій университетъ. Теперь вся наша надежда на молодое поколѣніе, имъ будетъ предоставлена та честь, которая не выпала на нашу долю. Пусть сегодняшній день будетъ благовѣстомъ, который пробудитъ всѣхъ насъ сибиряковъ и нашихъ послѣдователей на благо родины, дорогой, родной Сибири! Ура!

Н. М. Ядринцевъ. Цѣль настоящаго собранія, Милостивые Государи, ознаменованіе чѣмъ либо историческаго юбилея 300-лѣтія и вступленія Сибири въ новую жизнь. Ознаменованіе этаго событія среди интеллигенціи вызываетъ различныя мысли и пожеланія. Со стороны ученыхъ и писате-

лей явилось стремленіе почтить юбилей изданіемъ трудовъ, посвященныхъ Сибири; часть этихъ трудовъ уже издается: такъ недавно вышла сибирская лѣтопись Г-на Зоста. Многіе выражаютъ желаніе, чтобы ко времени 300-лѣтія Сибири составлено было историческое обозрѣніе Сибири за предшествовавшій періодъ. Наконецъ, 300-лѣтіе можетъ быть ознаменовано обогащеніемъ и вкладами того памятника, который стоитъ на рубежѣ этого 300-лѣтія, — строющагося сибирскаго университета, его музея, кабинетовъ и библіотеки. Далѣе вниманія сибирскаго общества заслуживаютъ нужды учащейся сибирской молодежи. Сибирскому обществу отнынѣ предстоитъ положить начало болѣе заботливому отношенію къ интересамъ учащихся поколѣній.

Наконецъ теперь болѣе чѣмъ когда либо выражаются надежды на общее обновленіе края и измѣненіе къ лучшему въ жизни Сибири. Къ торжеству 300-лѣтія ожидаются существенныя гражданскія реформы, которыя призовутъ сибирское общество къ жизни.

Кто изъ насъ, связанныхъ съ краемъ всѣми симпатіями души своей, не сознаетъ жизненныхъ потребностей этого доселѣ печальнаго и забытаго края? Кто въ состояніи болѣе насъ прочувствовать важность настоящей исторической минуты? Мы призываемъ пробужденіе Сибири всѣми силами нашей души! Судьба Сибири,- при всѣхъ перемѣнахъ исторіи, была близка и дорога живущимъ въ ней, какъ связаннымъ съ нимъ узами родства. Если обстоятельства не всегда позволяли намъ принести въ пользу ея нашу слабую помощь, то мы глубоко вѣровали въ ея лучшіе дни и будущее счастіе.

Наше искреннее желаніе въ этотъ моментъ можетъ состоять въ томъ, чтобы долгота дней, богатство и благоденствіе были достояніемъ ея жизни. Пусть будутъ дальнѣйшіе пути ея—пути радости, и стези ея—стези мира.

Г. Фойницкій. Милостивые Государи! Внезапно вызванный сказать слово дорогимъ намъ сибирякамъ, я обращу ваше вниманіе, гг., на одну сторону, которой не коснулись мои предшественники. Празднуя славный день водворенія цивилизаціи въ Сибири, мы не должны забывать тотъ классъ русскаго люда, который былъ невольнымъ пришельцемъ въ Сибирь, но который, однако, разносилъ тамъ сѣмена добра, образованія. Забывать его невозможно. Онъ сдѣлалъ много. Каждый изъ васъ, конечно, угадалъ, что я говорю о ссыльныхъ, каторжныхъ. Помянувъ ихъ добрымъ словомъ мы должны поставить вопросъ: должна-ли продолжаться та мѣра, благодаря которой они были брошены въ Сибирь? Въ другихъ странахъ эта мѣра обогащаетъ край, такъ какъ за ссыльными идетъ правительственная помощь; Сибирь же и въ этомъ отношеніи не воспользовалась этою мѣрою. Въ нравственномъ же отношеніи вліяніе ея только отрицательное. Вамъ болѣе чѣмъ мнѣ извѣстны тѣ условія, въ которыя поставлены ссыльные. Да изгладится взглядъ на страну, какъ на страну наказанія, да сдѣлается

она широкимъ поприщемъ науки, нравственности и народнаго благоденствія! (общее ура).

К. П. Мейбаумъ Милостивыя Государыни и Милостивые Государи! Предъидущіе ораторы, не будучи сибиряками, высказали много хорошаго о Сибири и о тѣхъ благопріятныхъ впечатлѣніяхъ, какія она произвела на нихъ. Что же каждый изъ тамошнихъ уроженцевъ долженъ чувствовать и говорить? Воспоминаніе о родинѣ рисуетъ необъятный просторъ съ его дремучими лѣсами и почти непочатыми сокровищами, обстоятельная разработка которыхъ привлечетъ туда людей и капиталы и оживитъ этотъ край. Многіе изъ насъ, вывезенные въ Европейскую Россію для воспитанія и образованія, къ сожалѣнію, съ дѣтства оставляютъ свою родину навсегда, такъ какъ окончивъ образованіе не могутъ возвратиться, одни потому, что въ этотъ долгій періодъ времени потеряли родныхъ, другіе же по роду предоставляемой имъ дѣятельности и, привыкая къ новой мѣстности, обзаведясь семьей, остаются въ Россіи навсегда. Такимъ образомъ собственно для Сибири они, пламенно любя ее, лишены возможности трудиться; если кому либо изъ нихъ и придется что дѣлать на пользу любимаго края, то эти единичные случаи принести пользу остаются попытками и забываются въ массѣ другихъ дѣлъ. Пусть же это съ устройствомъ въ Сибири образовывающихъ учрежденій измѣнится къ радости сибиряковъ.

Цѣль сегодняшняго нашего обѣда не есть празднованіе годовщины трехсотлѣтія присоединенія Сибири къ Россіи, а желаніе сибиряковъ по возможности ознакомиться другъ съ другомъ, и приготовиться къ предстоящему общему всероссійскому торжеству. Единеніе великое дѣло, оно даетъ силу. Пусть же теперь призывъ желающихъ потрудиться на пользу дорогой намъ родины раздается благовѣстомъ и за стѣнами этого зданія для всѣхъ, и съ трехсотлѣтней годовщины начнется новая эра благодатной, правильной дѣятельности для края.

Въ царствованіе въ Бозѣ почившаго, возлюбленнаго Государя Александра Николаевича и для Сибири занялась заря; проведены телеграфы, положено основаніе сибирскому университету, предначертанъ великій сибирскій Александрійскій желѣзный путь, и послѣдовало открытіе морскаго пути чрезъ Сѣверный Океанъ; все это, связуя Сибирь съ прочими частями Имперіи и всѣмъ міромъ, послужитъ звеномъ къ единенію и будетъ способствовать къ развитію полезной дѣятельности.

Но, Милостивыя Государыни и Милостивые Государи, чтобы не остаться при одних платоническихъ пожеланіяхъ, любя свою родину, я позволю себѣ предложить вамъ слѣдующее: просить г. министра внутреннихъ дѣлъ испросить Высочайшее соизволеніе на учрежденіе изъ свѣдущихъ людей сибирской коммиссіи, которой предоставлено бы было право разсмотрѣнія заявленій сибиряковъ и ходатайства предъ правительствомъ о нуждахъ края. Такъ:

1) Объ устройствѣ путей сухопутныхъ и водяныхъ, равно о судостроеніи, судоходствѣ и мореплаваніи.

2) О развитіи промышленности и торговли края, какъ внутренней такъ и внѣшней.

3) Объ устройствѣ выставокъ для предметовъ производимыхъ краемъ.

4) О скорѣйшемъ открытіи Высочайше разрѣшеннаго для Сибири университета, объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній, народныхъ школъ и о предоставленіи средствъ обучающимся.

5) О геологическихъ и другихъ научныхъ изслѣдованіяхъ.

6) О нуждахъ мѣстной печати.

7) О допущеніи переселенія на свободныя и удобныя земли въ краѣ.

8) О прочихъ нуждахъ, какія окажутся, для устройства быта.

Сверхъ того на общемъ предстоящемъ празднованіи годовщины трехсотлѣтія присоединенія Сибири всеподданнѣйше просить о дарованіи нашему краю гласнаго судопроизводства и земскихъ учрежденій, которыми Высочайше осчастливлена Европейская Россія.

Графъ Игнатьевъ, благосклонно принявшій нашу депутацію и выразившій намъ сибирякамъ сочувствіе, вѣроятно не откажетъ въ своемъ просвѣщенномъ содѣйствіи для преуспѣянія Сибири, но чтобы выполнить добрыя пожеланія нужны честные дѣятели. Я припомню землякамъ слова св. Іеронима: «не испытую о Господѣ, всему научусь и все мое знаніе и трудъ повергну къ подножію Его креста». Если мы надломленные жизнью или почему нибудь не сможемъ съ пользою потрудиться, то пусть наша надежда, наши дѣти, примутъ наше завѣщаніе — научиться, знаніе же и трудъ принести на благо родины.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи! заканчиваю предоставленное мнѣ слово поднятіемъ бокала за тѣхъ честныхъ дѣятелей, кого Господь удостоитъ и благословитъ потрудиться на пользу, славу и честь нашей дорогой родины!!! (общее ура).

Г. Наумовъ, какъ народный писатель, обратилъ вниманіе на жизнь народа въ Сибири и на его историческое труженичество. Онъ предлагалъ почтить своимъ привѣтомъ и уваженіемъ этотъ трудъ сибирскаго крестьянства.

Г. Шрееръ выразилъ желаніе, чтобы не были забыты при общихъ привѣтствіяхъ подвиги женщинъ-сибирячекъ, являющихся изъ далекой страны искать просвѣщенія и образованія въ столицахъ, съ тѣмъ чтобы быть впослѣдствіи полезными родинѣ. Одинъ изъ распорядителей выразилъ въ свою очередь, что это привѣтствіе, какъ и тостъ за учащихся сибирячекъ вполнѣ можетъ быть поддержанъ и выражаетъ чувства всѣхъ присутствующихъ сибиряковъ.

Г. Граціанскій высказалъ слѣдующее: Милостивые Государи! Послѣ тостовъ за сибирскихъ женщинъ и за народъ мнѣ какъ то неловко пере-

ходить къ печальной темѣ одного изъ предшествовавшихъ ораторовъ, говорившаго о ссылкѣ; непріятно вспоминать, что въ Сибири ни женщина, ни народъ не имѣютъ даже тѣхъ правъ, какими они пользуются въ коренной Россіи. Несомнѣнно ссылка—зло Сибири, но мнѣ кажется еще большимъ зломъ безправность населенія. Я недавно пріѣхалъ изъ Сибири и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ не могу забыть той розни, какая существуетъ между учрежденіями и населеніемъ страны. Если справедливо мнѣніе, что времени и общему развитію страны должны соотвѣтствовать и учрежденія ея, то нужно сознаться, что для Сибири еще ничего не сдѣлано. Если такое соотвѣтствіе не вездѣ существуетъ и въ Россіи, то въ Сибири, какъ будто нарочно сдѣлано все для того, чтобы по учрежденіямъ никакъ нельзя было догадаться о характерѣ и развитіи страны.

Сибирь окраина по преимуществу русская, не имѣющая преобладающаго чуждаго элемента. Все прошедшее Сибири русское, и хотя мы празднуемъ трехсотлѣтіе, но по праву Сибирь должна считаться ровесницей Россіи. Обычаи, вѣрованія народа, его преданія, пѣсни, завѣтныя думы—все это русское, выношенное тысячелѣтнею жизнью Россіи. Первые русскіе колонизаторы Сибири потомки тѣхъ, которые на югѣ Россіи въ продолженіи первыхъ вѣковъ ея исторіи отстаивали все, изъ чего сложилось русское государство. Я думаю, что по праву исторіи, по ближайшему родству и по возрасту наконецъ, Сибирь должна бы пользоваться симпатіями Россіи и одинаковыми съ нею учрежденіями, а между тѣмъ ни одна окраина такъ не завалена хламомъ прошедшаго, историческими обносками, какъ Сибирь. Позднѣйшія окраины—Польша и Кавказъ по учрежденіямъ болѣе русскія, чѣмъ трехсотлѣтняя Сибирь, куда вы въѣзжаете какъ бы въ непріятельскую, лишь только покоренную страну съ исключительными законами.

Только въ Сибири сохранилось полное смѣшеніе властей и при въѣздѣ туда вы наталкиваетесь на совершенно неожиданное явленіе для развитаго человѣка. Передъ вами появляется человѣкъ съ правами слѣдователя, обвинителя, судьи и, наконецъ, исполнителя. Въ его рукахъ какъ будто жизнь и смерть каждаго обывателя, а между тѣмъ это не болѣе, какъ засѣдатель, замѣняющій русскаго становаго. Нигдѣ такъ не развито бумагомараніе, пререканія властей, какъ тамъ. Только тамъ каждое пустое дѣло можетъ разростись въ огромные фоліанты, а важное изчахнуть до крупицы и исчезнуть безъ слѣда; только тамъ подъячій, приказный—элементы прошедшихъ столѣтій, вездѣ презираемый и гонимый, сохранился во всей силѣ, сдѣлавшій изъ XV томовъ свода законовъ такую сѣть, что въ ней запутаешся; только изъ сибирскаго суда, по пословицѣ, какъ изъ пруда, сухъ не выйдешь никогда; только тамъ можно повстрѣчать судью, которому, по древней эпиграммѣ, непремѣнно быть въ раю. Самъ законъ не довѣряетъ исполнителямъ его, когда говоритъ: «когда не отыщутъ виновныхъ, то

никого другого не брать». Судъ не можетъ вѣрить одинаково свидѣтелю неграматному и граматному, женщинѣ и мужчинѣ, свѣтскому и духовному.—Если вы примите въ разсчетъ все это, присоедините многочисленность сибирскихъ учрежденій, при громадныхъ разстояніяхъ, 6 инстанцій по нѣкоторымъ дѣламъ, то вамъ представится огромное шестиэтажное зданіе, безъ оконъ, безъ просвѣта, вся внутренность котораго провалилась. Кому дороги интересы правды, тотъ долженъ пожелать Сибири быстрой реформы судебныхъ учрежденій. Вся Сибирь, какъ одинъ человѣкъ, согласна въ этомъ пунктѣ, и давно, очень давно требуетъ скораго, неподкупнаго гласнаго суда.

Учрежденія Сперанскаго сослужили свою службу, жизнь давно переросла ихъ, далѣе оставлять ихъ нетронутыми значитъ отказаться отъ вліянія Россіи на Сибирь.—Что мудренаго, что подъ вліяніемъ теперешнихъ учрежденій, сибирякъ начинаетъ портиться, дѣлается недовѣрчивымъ, скрытнымъ, эгоистичнымъ, на себя только надѣющимся, не опираясь на общество и учрежденія. Простой сибирякъ боекъ, расторопенъ, пытливъ, выше русскаго въ этомъ отношеніи, поэтому безгласность, безправность въ своихъ общинныхъ хозяйственныхъ нуждахъ для него болѣе тяжелы, чѣмъ даже для русскаго. — И сибирскій университетъ при такомъ положеніи останется мертвымъ учрежденіемъ для Сибири, такъ какъ сибирская молодежь по прежнему будетъ льнуть къ лучшимъ учрежденіямъ здѣсь въ Россіи.

Я прошу извинить меня за то, что въ день торжества Сибири, въ день празднованія побѣды надъ суровою и обширною природою, я дозволилъ себѣ говорить о такой архивной пыли, но эта пыль даетъ окраску всей Сибири, оно вызываетъ пожеланіе быстраго обновленія Сибири.

Въ дополненіи къ рѣчамъ, Полковникъ П. П. Биркъ, уроженецъ Сибири, внесъ предложеніе присутствующимъ собираться ежегодно въ память 26 октября сибирякамъ, живущимъ въ столицѣ. Предложеніе это принято съ полнымъ сочувствіемъ. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что на сибирскомъ обѣдѣ, происходившемъ въ Москвѣ, принято присутствовавшими подобное же рѣшеніе.

Письма, телеграммы и привѣтствія, прочитанныя на обѣдѣ и полученныя послѣ, заключали въ себѣ слѣдующее:

Отъ *г. Арцимовича.* Приношу мою глубокую благодарность вамъ и тѣмъ изъ жителей Сибири, которые вспомнили о моихъ посильныхъ четырехлѣтнихъ трудахъ по управленію Тобольскою губерніею. Къ сожалѣнію, не смотря на мои добрыя пожеланія и полное сочувствіе къ вопросамъ, касающимся Сибири, я, по болѣзни, не могу принять участія въ обѣдѣ 26 октября.

Отъ профессора *Менделѣева*, выѣхавшаго за границу. Съ радостью узналъ, что Сибиряки и здѣсь вспомнили Сибирь и глубоко сожалѣю, что

не могу быть на сибирскомъ праздникѣ. У меня по 4 ноября паспортъ за границу въ карманѣ, ѣду не по своему дѣлу и остаться не могу. Ваше письмо еще болѣе увеличило мое огорченіе. Благодарю васъ и тѣхъ, кто вспомнилъ ученика Сибири, желающаго всего успѣха родной сторонѣ и ея празднику. Прошу передать мою благодарность и мое извиненіе тѣмъ, кто соберется во вторникъ. Еслибы я былъ здѣсь, то говорилъ бы о сибирскомъ университетѣ. Далеко, въ дорогѣ я буду душой съ вами 26 октября и стану повторять: да развивается въ родной сторонѣ точное и полезное знаніе, ведущее къ развитію самопознанія и къ обладанію силами природы.

Г. Венюкова телеграмма изъ Женевы:

Veuillez présenter, mes felicitations à l'assemblée que la Siberie prospère.

Г. Ермаковъ, какъ потомокъ Ермака и *г. Вокулевскій* обратили вниманіе на необходимость напечатанія обзора литературы о Сибири.

Е. В. Богдановичъ телеграфировалъ:

«Изъ Кривого Рога. Удерживаемый обязанностями службы, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи послать мой задушевный привѣтъ сибирскому празднику чествованія трехъ-вѣковой годовщины подвига Ермака Тимофѣевича, славнаго передоваго піонера нашей русской гражданственности. Васъ, сибирскихъ тружениковъ, собрала на этотъ праздникъ общая всѣмъ вамъ привязанность къ краю Ермака. И меня связываютъ съ Сибирью 15 трудовыхъ годовъ, посвященныхъ разработкѣ великаго на пользу ея дѣла въ средѣ сибиряковъ и трудовыхъ людей Сибири. Я не боюсь повторяться, выражая пожеланія скорѣйшаго успѣха дѣлу, которому я отдался,—дѣлу соединенія рельсовымъ путемъ Сибири съ Россіей, съ ея сердцемъ—Москвою, черезъ Екатеринбургъ, эти естественныя ворота Урала, и черезъ наше всероссійское торжище въ Нижнемъ. Это—великое русское дѣло. Оно завершитъ празднуемый вами подвигъ русскаго Васко де-Гамы, оно окончательно сольетъ съ Россіей край, которымъ удалый казакъ три вѣка назадъ билъ челомъ царю московскому. Единодушно одобренное всѣми русскими людьми, для которыхъ дорого экономическое преуспѣваніе Россіи, дважды избранное и утвержденное незабвенныя памяти Царемъ-Освободителемъ, сибирская дорога все еще ждетъ своего осуществленія. Людямъ, поработавшимъ на Сибирь, будетъ понятно тяжелое чувство неудовлетворенности, пробуждающейся при видѣ, что здѣсь, въ новой Россіи, на «Кривомъ Рогѣ», завершается широкая, раскидистая рельсовая сѣть, тѣснѣйшими экономическими узами связывающая коренную Русь съ краемъ славной Екатерины, а наша старая Сибирь, гдѣ такъ славно поработалъ Ермакъ Тимофѣевичъ, и самъ Уралъ, гдѣ запечатлѣлъ свой преобразовательный геній Великій Петръ, все еще чужды живаго общенія съ

матушкой Россіею и ждутъ не дождутся того часа, когда благотворный ударъ кирки возвѣститъ имъ вчинаніе великаго экономическаго дѣла проложенія живительной артеріи, долженствующей дать исходъ богатствамъ Сибири и Урала въ Россію. Будемъ же уповать, что этотъ свѣтлый для будущности Сибири часъ близокъ, что чуткое къ народнымъ нуждамъ сердце нашего юнаго царя, надежды народа, изыщетъ способъ даровать Россіи давно желанный ею сибирскій рельсовый путь и что этотъ путь въ скоромъ времени достойнымъ образомъ увѣковѣчитъ память чествуемаго нами нынче покорителя Сибири. Въ этомъ упованіи сомкнемся дружно около общаго намъ сибирскаго дѣла и подымемъ наши кубки отъ имени Сибири за здравіе и благоденствіе Царя сибирскаго, за подъемлемое имъ на благо народу царственное труженничество. Ура!»

Въ Москву и Сибирскіе города, какъ сказано выше, были посланы слѣдующія, одинаковаго содержанія, телеграммы.

Участники сибирскаго обѣда, празднуя знаменательный для Сибири день трехсотлѣтія 26 октября, привѣтствуютъ гражданъ города..., выражая пожеланія, чтобы сибирскій юбилей, осуществивъ завѣтныя надежды Сибири, послужилъ началомъ обновленія этого края.

Въ отвѣтъ на это были получены распорядителями телеграммы.

Изъ Благовѣщенска: Благовѣщенскіе граждане поручили мнѣ передать участникамъ сибирскаго юбилейнаго обѣда глубокую признательность за пожеланіе и выразить имъ нашу увѣренность, что при ихъ просвѣщенномъ содѣйствіи и сохраненіи любви къ дальней Сибири, жизнь которой до сихъ поръ носитъ временный характеръ, она пойдетъ по пути того развитія, которое не замедлитъ сказаться пробужденіемъ чувствъ гражданственности, этой основы патріотизма.—Городской голова Бенкендорфъ.

Изъ Хабаровки: Горячо отъ всего сердца откликаемся и благодаримъ за дорогія пожеланія. Всякій, живущій и дѣйствующій въ Петербургѣ, изъ любящихъ Сибирь, у источника власти да похлопочетъ забыть намъ пословицу: «до Бога высоко—до царя далеко». Хабаровскій городской староста Протодьяконовъ.

Изъ Тюмени: Тюменскіе граждане благодарятъ за искреннее поздравленіе, уповаютъ, что благія пожеланія исполнятся, когда желѣзнодорожная артерія принесетъ въ Сибирь знанія и трудъ. Городской голова Подаруевъ.

Изъ Кяхты: Жители Троицкосавска и Кяхты шлютъ сердечный привѣтъ всѣмъ передовымъ радѣтелямъ обновленія Сибири, участвовавшимъ на обѣдѣ въ память трехсотлѣтія ея; радуются, что въ центрѣ умственной жизни земли русской находятся люди, сочувствующіе скромнымъ желаніямъ сибиряковъ. Троицкосавскій городской голова Николай Молчановъ; старшина Кяхтинскаго купечества Алексѣй Лушниковъ.

Изъ Енисейска: Принося искреннюю благодарность участникамъ си-

бирскаго обѣда за поздравленіе по случаю юбилея Сибири, молю Бога, чтобы добрыя пожеланія ихъ для Сибири исполнились. Городской голова Костмановъ.

Изъ Москвы отъ участниковъ сибирскаго обѣда: Оставшійся послѣ обѣда кружокъ сибиряковъ и москвичей, горячо сочувствующихъ процвѣтанію дорогой Сибири, искренно благодаритъ за поздравленіе и высоко поднимаетъ бокалъ за благоденствіе любимаго края. Михаилъ Зензиновъ, Федоръ Сумкинъ, Василій Михѣевъ, Викторъ Медвѣдниковъ, Константинъ Трапезниковъ, Евгеній Лаврентьевъ, Московинъ, Москвичи — Куманинъ, Измайловъ.

Отъ редакціи «Сибирской газеты»: Редакція, сотрудники «Сибирской газеты», лица мыслящаго сибирскаго общества, лишеннаго возможности праздновать годовщину трехсотлѣтія, скорбя о тяжеломъ прошломъ и безотрадномъ настоящемъ, мысленно участвуемъ въ вашемъ праздникѣ, раздѣляя общія надежды на скорое обновленіе Сибири.

Въ тоже число 26-го октября, живущіе въ Москвѣ сибиряки также праздновали ту же годовщину. Въ 6-ть часовъ вечера, въ русской палатѣ гостинницы «Славянскій Базаръ», состоялся, въ честь этого дня, обѣдъ, на которомъ присутствовало около 90 человѣкъ. По всей вѣроятности, желающихъ принять участіе въ этомъ обѣдѣ было бы больше, но многіе не знали объ обѣдѣ, такъ какъ подписка на него была объявлена всего за два дня. Собравшаяся на обѣдъ публика состояла, большею частью, изъ сибиряковъ, представителей сибирскихъ торговыхъ фирмъ; москвичей было очень немного; въ числѣ обѣдавшихъ было нѣсколько дамъ. Вообще, обѣдъ носилъ совершенно частный характеръ. На колоннахъ обѣденной залы были прибиты двѣ небольшія старинныя гравюры, изображающія Іоанна Грознаго и Ермака, окруженныя лавровыми вѣнками. На хорахъ игралъ оркестръ г. Рябова.

Первый тостъ былъ провозглашенъ за здоровье Государя Императора, и присутствующіе привѣтствовали этотъ тостъ восторженными криками.

Слѣдующій тостъ былъ предложенъ г. Чукмалдинымъ въ память великаго историческаго событія—завоеванія Сибири и въ честь героя этого событія—Ермака, его дружины и знаменитыхъ гражданъ Строгоновыхъ. Провозглашая этотъ тостъ, *г. Чукмалдинъ* сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

Наше русское общество, во весь 300-лѣтній періодъ существованія Сибири, ошибочно думало, что Сибирь только «золотое дно» и дѣлало историческую ошибку, ссылая туда массу преступниковъ и мало обращая вниманія на личныя качества административнаго персонала, управлявшаго Сибирью.

Если, несмотря на внѣшнія неблагопріятныя условія, сибирское насе-

леніе представляетъ собою, въ настоящее время, типичную особенность — извѣстную высоту умственнаго и нравственнаго развитія, подвижность и энергію, то этимъ оно обязано, главнымъ образомъ, тому, что не имѣло великаго народнаго зла—крѣпостнаго права, отсутствіе котораго дало возможность перенести всякія невзгоды.

Неудивителенъ, поэтому, тотъ фактъ, что въ Сибири, странѣ ссыльныхъ, сами ссыльные быстро ассимилируются съ мѣстнымъ населеніемъ и не далѣе втораго поколѣнія превращаются въ мирныхъ, трудящихся обывателей.

Мнѣ пріятно отмѣтить здѣсь, что нигдѣ съ такою гуманностью и состраданіемъ не относится общество къ прибывающему преступнику, называя его несчастнымъ и устраивая ему помощь и подаяніе, какъ только въ Сибири и среди сибиряковъ.

Г. Баснинъ произнесъ слѣдующую рѣчь: сегодня мы празднуемъ сибирскій юбилей — 300-лѣтіе завоеванія Сибири 26-го октября 1581 года, день фактическаго овладѣнія Ермакомъ главнымъ городомъ тогдашней Сибири—Искеромъ, въ который онъ имѣлъ торжественный въѣздъ, взявъ его безъ боя послѣ кровопролитной битвы подъ Чувашемъ. Причины, почему мы избрали этотъ день, заключаются, главнымъ образомъ, въ его значеніи, какъ факта жизни общественной, факта народной самодѣятельности. Само по себѣ, завоеваніе Сибири было явленіе незаконное, но оно узаконилось вслѣдствіе дарованія Ермаку царской милости и назначенія ему пожалованія и даже чего-то въ родѣ намѣстничества. Государственность и общественность суть два существенные элемента жизни всякаго народа, въ ихъ взаимной гармоніи кроется залогъ всякаго народнаго благосостоянія. У насъ, на Руси, вслѣдствіе нашествія татаръ, одно время, оба элемента, нѣкогда могучіе, были сломлены и подавлены. Государственность почти исчезла; общественность же пріютилась въ далекомъ углу сѣверной Россіи, въ Новгородѣ. Будучи силой живой, въ противоположность государственности, которая отличается своимъ внѣшнимъ порядкомъ, стройностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и холодностью, общественность новгородская послужила началомъ распространенія вліянія Новгорода и на сѣверъ Россіи и основаніемъ для учрежденія многочисленныхъ колоній, каковы Вятка и пр. Новгородская вольница широко раскинулась на востокъ отъ своей метрополіи; говорятъ даже, что задолго до похода Ермака новгородскіе удалые выселенцы знали и путь на Бѣлое море и даже моремъ до устьевъ Оби. Но Вятка и затѣмъ Новгородъ пали. Основалось сильное московское государство, поглотившее почти все общественное, вслѣдствіе необходимой централизаціи для отпора татарамъ. Окраины, впрочемъ, оставались только въ номинальномъ владѣніи, и все поволжье покрыто было удалыми шайками разбойниковъ. Одинъ изъ атамановъ—Ермакъ, съ своей шайкой, тѣснимый войсками русскими, направился, при содѣйствіи Строгоновыхъ, въ

Сибирь, представляя изъ себя, хотя и въ дикой формѣ, но до извѣстной степени самодѣятельную общественную силу, искавшую, тѣмъ или другимъ способомъ, исхода для своей любви къ свободѣ и приволью. Вслѣдъ за Ермакомъ пошли выселки новгородскіе изъ Вологды, Вятки и т. д., неся съ собою въ Сибирь свои дорогія преданія о вольности, свою энергію, свои здоровыя, могучія силы.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и, не смотря на трудности заселенія страны первобытной, обширной, не смотря на достигшій ужасающихъ размѣровъ произволъ, одна за другою смѣнявшихся администрацій, не смотря на приливъ ссыльныхъ,—бодрый духъ не оставилъ сибиряковъ, и до сихъ поръ живетъ въ нихъ старое стремленіе къ общественности, самодѣятельности. Такіе задатки, конечно не могутъ не подать самыхъ лучшихъ надеждъ, что когда желанныя въ Сибири реформы, осуществленныя уже въ Россіи, коснутся ея, то найдутъ наилучшую почву. Сибирь имѣетъ уже городское самоуправленіе, но ей нужно замѣнить старое судопроизводство новымъ, ей нужны земскія учрежденія, ей нужно болѣе свободы для прессы и многое другое, и тогда государственность и общественность въ своемъ взаимодѣйствіи создадутъ въ Сибири широкую почву для развитія благоденствія и возродится наша дорогая родина и старая ея энергія возростетъ еще болѣе на свободномъ общественномъ поприщѣ и принесетъ результаты, которыхъ трудно и предвидѣть. Выпьемъ же за процвѣтаніе Сибири и за осуществленіе желанныхъ ея надеждъ.

Вслѣдъ затѣмъ, г. *Ефимовъ* предложилъ слѣдующій тостъ за сибирскій университетъ:

Позвольте мнѣ, какъ одному изъ представителей сибирской молодежи, сказать нѣсколько словъ о дѣлѣ, которое особенно близко и дорого намъ, молодымъ сибирякамъ. Я разумѣю сибирскій университетъ. Мнѣ нѣтъ надобности подробно распространяться объ его значеніи для Сибири, во 1-хъ, потому, что оно слишкомъ велико, и это потребовало бы много времени, во 2-хъ, потому, что оно и безъ того всѣмъ ясно. Но я хотѣлъ бы остановиться нѣсколько на тѣхъ сторонахъ его обширнаго вліянія на нашу родину, которыя мнѣ кажутся особенно важными. Вотъ эти стороны: сибирскій университетъ создастъ въ Сибири умственную жизнь, отсутствіе которой такъ гибельно теперь на ней отзывается. Дѣйствительно, каждый годъ десятки юныхъ сибиряковъ, ищущихъ высшаго знанія, отправляются съ этой цѣлью въ Россію и оставляютъ свою родину съ тѣмъ, чтобы никогда въ нее не возвратиться (я говорю, конечно, о большинствѣ). Что же вызываетъ это явленіе? Мнѣ кажется, главнымъ образомъ, отсутствіе умственной жизни, о которомъ я уже говорилъ и которое особенно ощутительно для образованнаго человѣка. Университетъ устранитъ эту главную причину, заставляющую сибирскую молодежъ тяготѣть къ центрамъ русской жизни и эмигрировать изъ Сибири. Мало этого: для большинства ея онъ

сдѣлаетъ излишними эти поиски знанія въ Россіи; источникъ высшаго знанія будетъ подъ рукой, на мѣстѣ. Молодежь, учась дома, научится и лучше любить свою родину и, конечно посвятитъ всѣ свои силы на служеніе ея интересамъ. Университетъ, такимъ образомъ сбережетъ Сибири ея молодежь и поможетъ ей обойтись безъ постороннихъ услугъ, которыя далеко не всегда бываютъ безкорыстны. Университетъ явится, наконецъ, центромъ изученія природныхъ богатствъ, которыми такъ изобилуетъ Сибирь и которыя такъ мало изучены и такъ плохо эксплоатируются. Понятно, отсюда, что желаніе видѣть свой университетъ одно изъ самыхъ завѣтныхъ всей Сибири. Я думаю, господа, что тостъ за университетъ будетъ принятъ вами тѣмъ охотнѣе, что Сибирь обязана имъ почти всецѣло самой себѣ, т. е. своему обществу. Это ея родное дѣтище. Дѣйствительно, мысль о немъ живетъ чуть не цѣлое столѣтіе, но осуществленіе ея сдѣлалось возможнымъ лишь тогда, когда само общество заявило о своемъ желаніи имѣть его и заявило это не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Я имѣю въ виду тѣ грандіозныя пожертвованія на дѣло университета, которыя были сдѣланы гг. Сибиряковымъ, Цибульскимъ и др. Общественному же мнѣнію Сибири обязаны мы и тѣмъ, что университетъ созидается не въ Омскѣ, гдѣ онъ былъ бы только казеннымъ зданіемъ, пожалуй даже безъ слушателей, а въ Томскѣ, гдѣ онъ будетъ однимъ изъ любимѣйшихъ учрежденій Сибири. И такъ, господа, подымемъ высоко наши бокалы за скорѣйшее осуществленіе сибирскаго университета, этой завѣтной мечты всѣхъ сибиряковъ, какъ отцовъ, такъ и дѣтей.

Одинъ изъ распорядителей предложилъ собравшемуся обществу устроить немедленно подписку на образованіе фонда въ пользу недостаточныхъ студентовъ будущаго сибирскаго университета. Тотчасъ же по рукамъ пошелъ подписной листъ, и изъ подписанныхъ пожертвованій составилась сумма въ 3,250 руб. По окончаніи обѣда, была предложена другая подписка—въ пользу недостаточныхъ студентовъ-сибиряковъ, воспитывающихся въ московскомъ университетѣ. Эта подписка дала около 500 руб.

Послѣ тоста за сибирскій университетъ, былъ провозглашенъ *г. Москвинымъ* тостъ за печать сибирскую и столичную:

Во всякомъ обществѣ, гдѣ существуетъ обмѣнъ мыслей между членами, гдѣ выдвигаются на сцену жизненные вопросы, печать является выразительницей общественныхъ думъ и желаній. Пробудившаяся потребность въ обмѣнѣ мыслей, появленіе выдвинутыхъ самою жизнью животрепещущихъ вопросовъ, создало печать и въ Сибири.

Лучшіе представители сибирскаго общества не могли оставаться безучастными зрителями всего совершающагося вокругъ. И вотъ, первое слово во имя интересовъ страны было печатное слово. Сибирская печать существуетъ недавно. Она начинаетъ привлекать къ себѣ симпатіи и обращать на себя вниманіе сибирскаго общества только за послѣдніе 5—6 лѣтъ, бла-

годаря проявившемуся въ ней оживленію, благодаря близости затрогиваемыхъ ею вопросовъ къ жизни. Но уже и въ этотъ непродолжительный срокъ, въ предѣлахъ возможности, она успѣла сослужить вѣрную службу своей родинѣ. Припомните, кто ратовалъ за науку въ Сибири? Кто говорилъ о правильномъ пользованіи богатыми дарами сибирской природы? Кто затрогивалъ мѣстные экономическіе вопросы и отстаивалъ интересы самоуправленія? Важные для сибирскаго края вопросы о переселеніи и ссылкѣ не прошли незамѣченными сибирскою печатью. Таже печать, наконецъ, во имя справедливости, неоднократно являлась горячей заступницей «слабыхъ», «униженныхъ и оскорбленныхъ», заявляя о настоятельной потребности въ правомъ, скоромъ и милостивомъ судѣ въ Сибири. Этихъ услугъ, вѣроятно, не забудетъ сибирское общество. Въ сегодняшній торжественный день вспомнимъ эти услуги и мы.

Позвольте привѣтствовать въ лицѣ «Сибири» и «Сибирской Газеты», общественныхъ тружениковъ, тружениковъ, горячо и беззавѣтно преслѣдующихъ интересы своей родины. Появленіе этихъ тружениковъ — первый проблескъ свѣта въ окружавшей насъ тьмѣ, первое проявленіе начинающейся духовной и умственной жизни страны.

Великая будущность, въ смыслѣ общественнаго служенія, принадлежитъ этимъ труженикамъ въ послѣдствіи, когда края коснутся реформы, когда поле дѣятельности мѣстной печати расширится, когда ея легкимъ, если можно такъ выразиться, будетъ предоставлено больше воздуха. Говоря о сибирской печати, я не могу умолчать о печати столичной. Она всегда чутко откликалась на нужды Сибири. И такъ позвольте, Милостивые Государи, во 1-хъ, провозгласить тостъ за сибирскую печать и за такія условія ея существованія, при которыхъ она могла бы быть еще болѣе полезнымъ дѣятелемъ роднаго края; во 2-хъ, позвольте присоединить къ этому тосту и тостъ за столичную печать, и, именно, ту часть ея, которая близко принимала къ сердцу интересы духовнаго и умственнаго развитія русскаго общества и тѣ же интересы отстаивала и по отношенію къ Сибири.

Долго не вставало изъ-за стола собравшееся общество; одинъ за другимъ провозглашались различные тосты, и дружно поднимались бокалы во имя лучшихъ надеждъ и стремленій громадной страны, представляющей собою цѣлую часть свѣта, страны съ неразработанными и частію непочатыми богатствами, первобытной, малонаселенной и угнетенной, бывшей до сихъ поръ пасынкомъ Россіи. Съ особеннымъ сочувствіемъ былъ принятъ предложенный, между прочимъ, докторомъ Пясецкимъ, путешествовавшимъ по Сибири, тостъ за сибирскихъ женщинъ, матерей, женъ и сестеръ. Были провозглашены также тосты за споспѣшествованіе свободной колонизаціи Сибири русскими переселенцами, за скорѣйшее осуществленіе сибирской желѣзной дороги, «за здоровье лицъ, посвятившихъ свою энергію и умственныя силы изслѣдованію естественныхъ богатствъ Сибири, за здоровье

всѣхъ путешественниковъ, которые, благодаря своимъ этнографическимъ и другимъ описаніямъ знакомятъ европейское общество съ прошлымъ и настоящимъ бытомъ сибиряковъ и, наконецъ, за здоровье тѣхъ немногихъ лицъ, которыя съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, не жалѣя ни силъ, ни денегъ, преслѣдуютъ цѣль открытія болѣе удобныхъ путей сообщенія Сибири съ Европой». Г. Москвинъ прочелъ соотвѣтствующее празднику стихотвореніе. Въ редакціи «Сибири» и «Сибирской Газеты» были посланы телеграммы, въ которыхъ выражено привѣтствіе всему сибирскому обществу.

Около десяти часовъ вечера окончилось это задушевное, чисто семейное торжество.

Петербургская и московская печать по поводу 26 октября 1881 года дала цѣлый рядъ статей о сибирскомъ юбилеѣ, указавъ на его значеніе и бросивъ нѣсколько мыслей о настоящемъ положеніи Сибири и о ея надеждахъ. Статьи эти начали появляться уже наканунѣ 26 октября и представляютъ не мало любопытнаго. Такъ «Русскія Вѣдомости» въ фельетонѣ «Трехсотлѣтній юбилей завоеванія Сибири» (№ 288, 25 октября 1881 года) кратко передавая исторію завоеванія Сибири Ермакомъ, указываютъ на то, что Сибирь была «лакомой приманкой» сначала для новгородскихъ промышленниковъ, а потомъ для московскихъ, которые, послѣ завоеванія Казанскаго царства, уже находили довольно свободный доступъ къ богатствамъ Сибири и окончательно проникли внутрь страны послѣ завоеванія ея Ермакомъ. Описавъ завоеваніе Сибирскаго царства «Русск. Вѣдом.» обращаютъ вниманіе на то, что точныя свѣдѣнія о Сибири, не смотря на ея трехсотлѣтнее существованіе, слишкомъ ничтожны; что эти свѣдѣнія ограничиваются сухими оффиціальными данными ученыхъ, занимавшихся главнымъ образомъ естественно-историческимъ изслѣдованіемъ края, и десятками двумя-тремя монографій. Между тѣмъ, по мнѣнію «Русск. Вѣдом.», есть много цѣннаго матеріала, требующаго кропотливой и трудной работы для будущаго историка этой заброшенной страны, который можетъ дать весьма много любопытныхъ и поучительныхъ свѣдѣній о колонизаціи Сибири и судьбахъ населяющихъ ее инородцевъ, которые теперь вымираютъ «на нашихъ глазахъ не по днямъ, а по часамъ». «Водка, сифилисъ, кабала и эксплоатація русскихъ промышленниковъ», говорятъ «Русск. Вѣдом.», «произволъ сибирской администраціи, наконецъ, сосѣдство бѣглыхъ и ссыльно-каторжныхъ — вотъ плоды той роковой цивилизаціи, отъ одного прикосновенія къ которой инородцы гибнутъ и умираютъ, какъ вымерли приблизительно подъ вліяніемъ такихъ же условій уже на глазахъ исторіи индійскіе племена на американскомъ континентѣ». Далѣе, указывая на обширность площади, занимаемой Сибирью (250,000 кв. миль) и на слишкомъ рѣдкое населеніе (27 жит. на 1 кв. версту) «Рус. Вѣд.» заключаютъ, что вымираніе инородцевъ немогло никоимъ образомъ произойти отъ недостатка мѣста или отъ какихъ-либо климатическихъ особенностей страны, такъ какъ

эти самые инородцы существовали при всякихъ случайностяхъ и невзгодахъ, неразлучныхъ съ бытомъ дикарей, при періодическихъ голодовкахъ, повальныхъ болѣзняхъ и междоусобныхъ браняхъ.

Говоря о богатствахъ Сибири, «Рус. Вѣд.» указываютъ на тотъ печальный и поразительный фактъ, что русскіе, не смотря на всю свою смышленность, предпріимчивость и умъ не съумѣли воспользоваться, въ продолженіи цѣлыхъ трехъ вѣковъ, неисчерпаемыми богатствами Сибири, и что скотоводство, земледѣліе и разные промыслы находятся въ зачаточномъ состояніи, въ такомъ же состояніи находятся пути сообщенія, народное образованіе и торговля. «А между тѣмъ», говоритъ газета, «Сибирь—золотое дно; она не видала крѣпостнаго права, она была одною изъ первыхъ заботъ нашего государственнаго хозяйства... отчего же эта гора родила только мышь?» спрашиваетъ газета. «Мы здѣсь подходимъ къ двумъ *капитальнымъ вопросамъ*», продолжаетъ газета, «между которыми, какъ между полюсами вращалась судьба Сибири; эти вопросы: сибирская администрація и значеніе Сибири, какъ мѣсто ссылки. Сибирскіе воеводы и приказные, затѣмъ сибирское чиновничество вошли въ пословицу, какъ синонимъ всяческихъ злоупотребленій, превышенія власти, произвола и насилій; значеніе Сибири, какъ мѣста ссылки давно уже вызываетъ справедливыя жалобы и со дня на день ждетъ реформы. Вотъ исторически сложившіеся тормазы, которые связывали по рукамъ и ногамъ всякое проявленіе свободной дѣятельности и развитія Сибири, заставляя ея богатства лежать нетронутыми, оставляя лучшія мѣстности незаселенными и, вообще, дѣлая изъ ея исторіи какой-то скорбный листъ».

Переходя къ настоящему положенію Сибири, газета останавливаетъ свое вниманіе прежде всего на путяхъ сообщенія. По ея мнѣнію, торговый путь, открытый Норденшельдомъ и линіи Оренбургской и Уральской желѣзныхъ дорогъ должны были бы имѣть громадное значеніе для Сибири, такъ какъ они, уменьшая подавляющее разстояніе, повели бы къ легкости сообщенія Сибири съ болѣе культурной Европейской Россіей. Но, всматриваясь въ результаты, какіе получились отъ такого удобства сообщенія, газета находитъ, что отъ нихъ въ выигрышѣ пока остались Колупаевы и Разуваевы, которые «съ алчностью саранчи напали на первое богатство Сибири—ея хлѣбъ»; экономическое же положеніе мѣстнаго населенія сдѣлалось гораздо хуже, такъ какъ заработная плата не измѣнилась, тогда какъ цѣны на предметы первой необходимости поднялись «на страшную высоту».

Вмѣстѣ съ вопросомъ о путяхъ сообщенія, газета подвергаетъ обсужденію вопросъ о переселенцахъ. Этотъ вопросъ, по мнѣнію газеты, требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія, въ смыслѣ разумной организаціи переселенія крестьянъ въ Сибирь, куда они, не смотря на крайнюю затруднительность при передвиженіи, стремятся съ каждымъ годомъ все въ большемъ и въ большемъ количествѣ. «Что касается будущаго Сибири, то можно ска-

зать только пока одно, что она находится въ ожиданіи цѣлой серіи реформъ», говорятъ «Рус. Вѣд.», «которыми уже пользуется Россія и, затѣмъ, значеніе Сибири съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться. Лучшіе люди съ нетерпѣніемъ ожидаютъ введенія въ Сибири новыхъ судовъ, земскихъ учрежденій, новаго городскаго устройства (?), открытія сибирскаго университета, широкаго развитія свободнаго слова. Только при наличности этихъ условій возможно правильное развитіе промысловъ, земледѣлія, скотоводства, торговли, образованности и благосостоянія экономическаго и нравственнаго. Сибирь слишкомъ много пережила тяжелыхъ минутъ за свои триста лѣтъ; поэтому нельзя не пожелать ей въ будущемъ спокойнаго развитія».

Въ заключеніе «Рус. Вѣд.» сравниваютъ Сибирь съ Сѣвероамериканскими Соединенными Штатами. Онѣ находятъ полную аналогію въ физическомъ устройствѣ, въ первоначальной исторіи, въ сокровищахъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ горъ и въ богатствахъ какъ растительнаго, такъ и животнаго царства Сибири съ Сѣвероамериканскими Штатами. Между тѣмъ, обѣ эти страны, при всей одинаковости ихъ естественныхъ богатствъ, представляютъ великій контрастъ въ отношеніи ихъ благосостоянія и процвѣтанія: тогда какъ Сѣвероамериканскіе Штаты получили всемірную извѣстность произведеніями своей промышленности, земледѣлія и скотоводства, которыя они довели до недосягаемой высоты совершенства, Сибирь даже не можетъ конкурировать съ ней на хлѣбномъ европейскомъ рынкѣ. «Наша пшеница», говоритъ газета, «прежде чѣмъ дойдетъ до европейскаго рынка должна пройти чрезъ двадцать кулацкихъ рукъ; а американскій фермеръ везетъ хлѣбъ прямо на станцію желѣзной дороги и сдаетъ безъ всякихъ посредниковъ, которая отвозитъ продуктъ въ Европу. Мы уже не говоримъ о развитіи американской прессы, вспоминая тотъ фактъ, что на всю Сибирь, т. е. на 250,000 кв. миль и на 5 милліоновъ населенія приходится съ грѣхомъ пополамъ двѣ еженедѣльныхъ газеты».

Другая газета «Московскій Телеграфъ» въ статьѣ — «Трехсотлѣтній юбилей Сибири» (№ 295, 25 октября 1881 г.) коснулась нѣсколько подробнѣе исторіи завоеванія Сибири Ермакомъ, указывая на храбрость и отвагу, съ которою дралась горсть удальцовъ казаковъ для Бѣлаго Царя и на участіе, какое принимали въ дѣлѣ колонизаціи бояре Строгановы. Но и эта газета не прошла молчаніемъ того факта, что въ теченіи трехсотлѣтняго періода жизни Сибири, богатства ея остались для нее мертвымъ капиталомъ. «Хотя въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ мы и не съумѣли воспользоваться этимъ завоеваніемъ, сдѣлавъ эту суровую, но богатую природными богатствами страну, снабжавшую и снабжающую русское государство золотомъ,—исключительно мѣстомъ ссылки, тѣмъ не менѣе день рѣшительной побѣды Ермака не можетъ не считаться однимъ изъ наиболѣе славныхъ дней въ русской исторіи».

«Эхо» въ статьѣ—«По поводу трехсотлѣтняго юбилея Сибири», сдѣ-

лавъ краткій очеркъ завоеванія Сибири, бросаетъ бѣглый взглядъ на результаты трехсотлѣтняго періода культурной жизни Сибири. Газета находитъ, что эта область и теперь является такою же пустынею, какою была и въ старину; что лѣса и болота и теперь также непроходимы, какими они были триста лѣтъ тому назадъ; что города и села находятся на громадномъ разстояніи другъ отъ друга, какъ въ странахъ, которыхъ еще не успѣли коснуться успѣхи европейской культуры. Низшій слой населенія Сибири носитъ такую печать нищенства, забитости, грубости и физическаго вырожденія, что въ сравненіи съ населеніемъ Европейской Россіи представляетъ большой контрастъ. Среднее сословіе, состоящее преимущественно изъ купцовъ и чиновниковъ, не смотря на свой довольно низкій уровень образованія, хозяйничаетъ въ странѣ и представляетъ собой администрацію, которая получаетъ мѣста самымъ патріархальнымъ образомъ, чуть ли не по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ. Высшій классъ состоитъ изъ высшей бюрократіи, которая, не зная условій нужды страны, такъ какъ получаетъ образованіе въ С.-Петербургѣ, имѣетъ, тѣмъ не менѣе, рѣшающее значеніе въ управленіи страной. Затѣмъ, указавъ на ничтожное значеніе народныхъ школъ, гимназій и на отсутствіе университета, «Эхо» прибавляетъ: «Сибирь въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ мало подвинулась впередъ; чуть-чуть не осталась въ первобытной простотѣ нравовъ, едва выдвинулась изъ самовластничества воеводъ. Сибирь своимъ юбилеемъ какъ бы напоминаетъ обществу о себѣ, она ждетъ и вправѣ ждать нѣкотораго вниманія. Въ чемъ же заключается надежда Сибиряковъ?... Сибирскія газеты, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія уже давно заявляютъ о необходимости введенія земскихъ и судебныхъ учрежденій, объ облегченіи условій колонизаціи, о переселеніи въ Сибирь крестьянъ средней полосы Россіи, объ улучшеніи быта инородцевъ и проведеніи желѣзныхъ дорогъ; словомъ, заключаетъ газета, ждутъ цѣлой системы коренныхъ преобразованій».

Затѣмъ въ день самаго торжества трехсотлѣтняго юбилея Сибири появилась статья въ «Новомъ Времени» (№ 2034, 26 окт. 1881 г.), въ которой, говоря о предстоящемъ праздновании юбилея, газета пытается сдѣлать краткій очеркъ нашей культурной работы въ Сибири. Она говоритъ, что походъ Ермака Тимофеевича былъ только «эпизодомъ среди общаго естественнаго и систематическаго стремленія русскаго народонаселенія на сѣверовостокъ», которое началось гораздо ранѣе этого знаменитаго похода и которое, какъ свидѣтельствуютъ «свѣдущіе люди», продолжается и теперь. Что такое движеніе русскаго народа не задумано по чьему-либо плану и не есть плодъ какой нибудь тонкой политики, это доказывается, по мнѣнію «Новаго Времени» тѣмъ, что это движеніе слишкомъ широко, и что даже Тихій океанъ не могъ остановить его, когда предпріимчивые русскіе Якутскіе купцы пожелали проникнуть въ Сѣверную Америку и дошли чуть не

до самаго Санъ-Франциско. Исторія Сибири, по мнѣнію газеты, можетъ быть характеризована въ слѣдующихъ немногихъ чертахъ: XVII вѣкъ Сибирь занималась казаками, которые, проникая въ глубь страны, налагали на туземцевъ ясакъ и занимались устройствомъ городовъ и организацій управленія; XVIII вѣкъ ознаменовался для Сибири тѣмъ, что въ продолженіи его было установлено сухопутное сообщеніе съ Китаемъ, водворилось горное дѣло и что Сибирь сдѣлалась сначала мѣстомъ ссылки—для политическихъ преступниковъ, а потомъ для уголовныхъ; въ XIX вѣкѣ въ Сибири произошло развитіе золотопромышленности, развилась торговля и отъ открытія морскаго пути въ устья Обя и Енисея, а также отъ умиротворенія Киргизской степи и учрежденія пароходства, произошло оживленіе Сибири въ экономическомъ отношеніи. Но не смотря на это, «Новое Время» находитъ, что для края сдѣлано слишкомъ мало, что, впрочемъ, весьма естественно, такъ какъ, кромѣ Сибири, у насъ были долгое время не населены и не благоустроены съ одной стороны Новороссійскій край, а съ другой—Оренбургскій край, Уралъ и все Заволжье: подобныя заселенія требовали отъ государства «бѣднаго людьми и капиталами много усилій». Только послѣ заселенія и устройства этихъ выше названныхъ краевъ, Сибирь можетъ и должна явиться мѣстомъ для переселенія избыточнаго крестьянства, и въ этомъ отношеніи Сибирь является, по мнѣнію газеты, «нашими Соединенными Штатами», представляющими такое удобство для Россіи, какимъ не пользуется ни одно государство въ мірѣ, такъ какъ русскіе переселенцы, прибывая въ Сибирь, селятся въ томъ же климатѣ и среди тѣхъ же родныхъ народныхъ привычекъ и образа жизни. Но Сибири не только нужны рабочія руки, а также многія реформы въ ея общественной жизни въ самомъ скоромъ времени. Такими реформами являются: отмѣна генералъ-губернаторскихъ управленій, изъятіе изъ рукъ чиновниковъ хозяйственной части и передача ихъ земству, введеніе судебной реформы, открытіе Сибирскаго университета и развитіе желѣзныхъ дорогъ,—все это повлечетъ за собой развитіе и поднятіе благосостоянія страны и ея мѣстнаго управленія, которое пребывало неизмѣннымъ въ томъ видѣ, въ какомъ оставилъ его Сперанскій шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Того же дня въ «Порядкѣ» была помѣщена статья, въ которой говорилось о предстоящемъ торжествѣ юбилея, въ день 26 октября. Само собой, это торжество навело «Порядокъ» на разсужденіе о положеніи Сибири, о ея надеждахъ и ожиданіяхъ. «По истеченіи цѣлыхъ трехъ вѣковъ, говоритъ газета, и со времени такого громкаго событія естественно остановиться мыслью на судьбѣ этой нашей окраины и отнестись болѣе сознательно къ ея жизни». Далѣе газета обращаетъ свое вниманіе на отношенія другихъ государствъ къ ихъ колоніямъ и находитъ, что всѣ онѣ прилагали большую заботу объ устройствѣ и процвѣтаніи пріобрѣтенныхъ войною колоній, что благодаря этимъ заботамъ, колоніи весьма часто до-

стигали гораздо большаго процвѣтанія и гражданскаго устройства, чѣмъ сами метрополіи. Что же касается нашей цивилизаторской работы на Востокѣ, то можно сказать, что она шла слишкомъ медленно. Сибирь, не смотря на свое громадное пространство, почти не населена, ея жизнь представляется отчужденной, изолированной и, такъ какъ она предназначалась для мѣста ссылки преступниковъ, лишена тѣхъ правъ гражданства, какими столько лѣтъ пользуется Европейская Россія: она до сихъ поръ пользуется давно устарѣвшими законами и установленіями; просвѣщеніе почти отсутствуетъ и можетъ утвердиться только съ открытіемъ сибирскаго университета. Находя, что всѣ эти потребности сознаны сибирцами, газета обращаетъ вниманіе побѣдителей Кучума на настоящее жалкое положеніе побѣжденныхъ туземцевъ, которые до сихъ поръ продолжаютъ быть предметомъ безжалостной эксплоатаціи, образчикъ которой описанъ въ фельетонѣ этого же № газеты.

Въ этомъ фельетонѣ («Сибирскій Никола») описано, дѣйствительно, довольно яркая картина печальнаго положенія туземцевъ Сибири. Триста лѣтъ тому назадъ, говорится въ фельетонѣ, мы начали насаждать среди туземнаго населенія христіанство, однако достигли далеко нежелательныхъ результатовъ. Русскіе, прибывшіе сюда для культурной работы, вмѣсто того, чтобы вывести населеніе изъ дикости, увлеченные духомъ завоеванія и хищничества, сами сдѣлались дикарями, и все это случилось, не смотря на то, что въ Сибири открыта давно епископская каѳедра, которую занималъ цѣлый рядъ весьма умныхъ и энергичныхъ епископовъ. Въ то время, какъ архипастыри старались объ увеличеніи своей паствы и о пріобрѣтеніи новыхъ прозелитовъ путемъ евангельской проповѣди, митрополичьи бояре крестили въ «неволю» дикарей, дѣлая величайшія безчинства. Воеводы и приказные люди держали цѣлые гаремы женщинъ и превращали колоніи въ дома терпимости, гдѣ каждый проѣзжій могъ удовлетворить свои плотскіе инстинкты. Св. Иннокентій, по словамъ его біографа, нашелъ здѣсь Содомъ и Гоморру. Что же касается до самаго духовенства, то крайне низкій уровень нравственнаго состоянія его низшихъ членовъ оставался такимъ же до позднѣйшаго времени,—оно всегда грабило и спаивало инородцевъ. Миссіонеры вели себя здѣсь до того возмутительно, что инородцы просили не посылать имъ болѣе поповъ, такъ какъ тѣ ихъ обмѣриваютъ, обвѣшиваютъ, обманываютъ и развращаютъ ихъ женъ. При своемъ нравственномъ убожествѣ духовенство очень богато тамъ въ матеріальномъ отношеніи. Оно забрало въ свои руки почти всю торговлю и превратилось въ сословіе кулаковъ-міроѣдовъ. Вотъ протопопъ Вергунинъ, который въ 30-хъ годахъ велъ торговлю на пространствѣ 2,000 верстъ предметами первой необходимости, продавая ихъ по неслыханной цѣнѣ; вотъ поповичъ, а впослѣдствіи священникъ, который въ 50-хъ годахъ, кромѣ торговли, занимался конокрадствомъ и грабилъ народъ при

отправленіи своихъ пастырскихъ обязанностей; вотъ такой же попъ Димитрій по Онону, вотъ попъ Поздышинъ въ Бичурѣ и многіе другіе въ въ этомъ родѣ, ихъ же, Господи, имена ты вѣси. «Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что христіанство, внесенное когда-то въ Сибирь, здѣсь совершенно утратилось, люди дошли до крайняго индифферентизма въ дѣлѣ вѣры, и масса народа перешла на ту ступень, на которой находятся нѣкоторые дикіе, не имѣющіе понятія о Богѣ», замѣчаетъ фельетонистъ.

Черное духовенство также не отстаетъ отъ бѣлаго въ эксплоатаціи мѣстнаго населенія. Предметомъ для такой эксплоатаціи является точенное изъ дерева изображеніе угодника Николы, поклоненіе которому весьма распространено въ Сибири даже между дикарями, еще вовсе не принявшими христіанства. Это изображеніе ежегодно переносится монахами изъ монастыря на мѣсто, будто бы, явленія его и обратно въ монастырь. Монахи, слѣдуя за изображеніемъ на тройкѣ «обывательскихъ», въ удобныхъ тарантасахъ, собираютъ весьма обильную денежную повинность за «удовлетвореніе религіознаго чувства мѣстнаго населенія». Никола за каждое такое путешествіе по деревнямъ приноситъ до 10,000 дохода монастырской казнѣ, причемъ, конечно, перепадаетъ весьма солидная сумма въ карманъ сопровождавшаго старца-монаха. Обыкновенно, буряты и тунгусы цѣлыми толпами стекаются для встрѣчи Николы и провожаютъ его съ благоговѣйной простой молитвой на устахъ.

Грубое поклоненіе Николѣ, поставленнаго на степень фетиша, фельетонистъ объясняетъ тѣмъ, что русскій народъ на первыхъ порахъ колонизаціи вмѣстѣ съ своей культурой, которая стояла въ старину несравненно выше, чѣмъ теперь—повліялъ на сосѣднихъ инородцевъ; тогда эти дикари дѣлались осѣдлыми и вмѣстѣ съ земледѣліемъ усвоивали себѣ и земледѣльческаго бога Николу и до сихъ поръ искренно вѣруютъ въ него, хотя и остаются некрещеными. Но съ теченіемъ времени, когда русская культура «изчахла, извратилась, замерла, погибла, и народъ, какъ мы видѣли, вымираетъ и вырождается, или же, сломя голову, бѣжитъ вонъ изъ роднаго ему дома, русскіе, благодаря своему нравственному паденію начали занимать у дикарей ихъ фетиша.

«Всѣ изслѣдованія единодушно свидѣтельствуютъ, что русское населеніе въ Сибири на мѣсто того, чтобъ внести сюда цивилизацію», говоритъ фельетонистъ, «какъ и слѣдовало народу, обладающему высшей культурой и прочной національностью, само отступило къ состоянію инородца и подчинилось нравственному вліянію дикарей. Сибиряки—простолюдины, воспринимаютъ шаманизмъ и идолопоклонство, усвояютъ предразсудки инородцевъ и даже забываютъ русскій языкъ». Они призываютъ къ себѣ тихонько шамановъ, платятъ имъ и просятъ ихъ пособія, держатъ въ домахъ идоловъ и всякихъ бурятскихъ божковъ. Колдовство и многіе другіе предразсудки сдѣ-

лались въ Сибири весьма распространенными и совершенно «опутали» жизнь сибирскаго населенія, особенно сибирскихъ женщинъ. «Далѣе этого идти нельзя», заключаетъ съ грустью фельетонистъ.

27 октября (1881 г., № 275) была помѣщена статья въ «Минутѣ» поводомъ къ появленію которой послужилъ тотъ же юбилей Сибири. Въ ней говорилось, что Сибирь въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ была «золотымъ дномъ» для Россіи, откуда особенно много черпали золота г.г. Разуваевы, Колупаевы и многіе другіе болѣе интеллигентные эксплоататоры, которое добывалось потомъ и кровью мѣстнаго населенія и растрачивалось самымъ безобразнымъ непроизводительнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого страна, прожившая около 300 лѣтъ, осталась почти въ томъ же положеніи, въ какомъ ее нашли предпріимчивые и оборотистые новгородцы, когда впервые завязали съ ней сношеніе. Образованіе, пути сообщенія и общественная жизнь тамъ отсутствуютъ. Общество Сибири до сихъ поръ не старалось «прорубить окно цивилизаціи въ Россію». Нѣкоторый лучъ истинной цивилизаціи бросили, по словамъ газеты, только декабристы и «сопровождавшія ихъ семейства, принадлежавшія къ высшему интеллигентому обществу; но этотъ лучъ былъ мимолетный». Послѣ нихъ туда посылались люди, неимѣющіе ничего общаго съ цивилизаціей Сибири. «Сибирь доселѣ была только завоевана мечемъ, но теперь настала пора завоевать ее геніемъ просвѣщенія. Прогрессъ уже прокладываетъ себѣ туда желѣзную дорогу. Желательно, говоритъ авторъ статьи, чтобъ за нимъ отправились вслѣдъ правосудіе, самоуправленіе, просвѣщеніе и главное—контроль, строжайшій контроль, дабы не укрылись отъ него всякія злоупотребленія и расхищенія».

Наконецъ, послѣ празднованія юбилея появилась статья по поводу уже совершившагося торжества въ «Московскомъ телеграфѣ» (№ 297, 27 окт. 1881 г.). Упомянувъ о состоявшемся праздновaніи трехсотлѣтняго юбилея въ день взятія Ермакомъ столицы ханства, города Искера 1581 г. *26 октября* газета говоритъ, что мысль о такомъ празднованіи появилась въ началѣ года. Эта мысль была сочувственно встрѣчена въ Сибири, и нѣкоторыя сибирскія думы ходатайствовали предъ правительствомъ о дозволеніи почтить этотъ день торжествомъ. Правительство, считая болѣе удобнымъ празднованіе юбилея въ день присоединенія Сибири къ русскому царству, не разрѣшило празднованіе его 26 октября. Но такъ какъ вопросъ о днѣ присоединенія Сибири остался неопредѣленнымъ вслѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ оффиціальныхъ данныхъ и вслѣдствіе возникшихъ объ этомъ днѣ споровъ между археологами, Сибирь была лишена возможности праздновать этотъ день оффиціально. Однако это не помѣшало устроить скромное празднованіе нѣкоторымъ сибирякамъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Потомъ газета задается вопросомъ —«что сдѣлала Россія для Азіи въ эти три вѣка?» «Изъ многочисленныхъ статей и корреспонденцій о Си-

бири, печатавшихся въ нашей газетѣ, читателямъ извѣстно», говоритъ газета, «въ какомъ положеніи до сихъ поръ находится эта громадная часть русскаго государства. Въ Сибири не было крѣпостнаго права, и потому и крѣпостническихъ традицій нѣтъ въ ней, и ея городское, пришлое изъ Россіи и крѣпко осѣвшее и акклиматизоровавшееся населеніе, не смотря на тяжкій административный гнетъ, которому оно подвергается до сихъ поръ, сохраняетъ въ себѣ жизненную силу общественности, свободы, стремленія къ правдѣ. Въ послѣднее время, въ особенности, слышались громко раздававшіеся изъ Сибири голоса съ мольбою объ удовлетвореніи насущнѣйшихъ нуждъ края—о реформахъ.

«Та же самая горячая мольба—о прекращеніи административнаго произвола, о реформахъ, о просвѣщеніи—сказалась во всѣхъ, произнесенныхъ вчера, на юбилейномъ торжествѣ, рѣчахъ и тостахъ. Какая-то невидимая, но чувствующая печаль покрывала собой это торжество. Ни одной почти свѣтлой черты въ прошедшемъ и настоящемъ своего края не могли указать ораторы,—говорилось только о возможности лучшаго будущаго, того лучшаго, чего такъ долго, съ такимъ нетерпѣніемъ и такою жизненностью ждетъ населеніе Сибири, имѣя для насажденія новыхъ лучшихъ началъ исторически подготовленную почву». Затѣмъ газета приводитъ выдержку изъ рѣчи одного изъ распорядителей обѣда, состоявшагося по поводу празднованія юбилея, въ которой ораторъ горячо говорилъ о необходомости реформъ въ Сибири, и заключаетъ статью пожеланіемъ скорѣйшаго осуществленія всѣхъ свѣтлыхъ упованій Сибири.

2-го ноября (1881 г. № 290) по поводу тогоже юбилея появилась статья въ «Новостяхъ». По мнѣнію газеты, день празднованія трехсотлѣтія Сибири прошелъ «почти незамѣченный», хотя были попытки, напримѣръ, въ Томскѣ къ почтенію этого дня особеннымъ празднествомъ, но которое не состоялось по случаю неразрѣшенія. Газета находитъ страннымъ, что такое пустое, по ея мнѣнію, обстоятельство, какъ неопредѣленность дня присоединенія Сибири къ русскому царству, послужило препятствіемъ для осуществленія этого торжества въ Сибири. «Если празднованіе поставлено въ зависимость отъ точнаго опредѣленія дня присоединенія къ Россіи Сибири—говоритъ газета—то пусть лучше эта точность навсегда ускользнетъ отъ нашего вниманія. Мы такъ склонны ко всякаго рода юбилеямъ и торжественнымъ чествованіямъ, что даже не замѣчаемъ, по поводу чего торжествуемъ, и что чествуемъ. Но надо же, наконецъ, отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что мы дѣлаемъ. Мы, вѣроятно, не мало насмѣшили бы Европу, еслибы празднованіе трехсотлѣтняго юбилея Сибири состоялось. Нельзя не замѣтить, что судьба къ намъ еще весьма благосклонна, вырвавъ изъ нашей памяти день присоединенія страны, которая могла бы служить для насъ источникомъ обогащенія, но, вмѣсто того, обращена нами въ мѣсто россійскихъ нечистотъ. Въ самомъ дѣлѣ, что хотѣли мы празд-

новать и что чествовать? Недомысліе, вялость, разгильдяйство, зарываніе таланта въ землю и непозволительное отношеніе къ странѣ, которую мы взяли подъ свое попеченіе и покровительство, и которой, слѣдовательно, нравственно обязаны были предоставить всѣ средства для развитія всѣхъ ея силъ. Это, дѣйствительно, было бы торжество невиданное, неслыханное, о которомъ ни въ какой сказкѣ не говорится и которое никакимъ перомъ невозможно было бы описать. Поистинѣ ужасна и жалка картина, представляемая намъ Сибирью и господствующими въ ней порядками». Далѣе газета замѣчаетъ, что, не смотря на «обильные естественныя богатства», Сибирь похожа на какую то Африканскую Сахару, лишенную всякой культуры «какой-либо осмысленной и интеллектуальной жизни» и населенную обездоленными и бѣдствующими людьми. Газета говоритъ, что положеніе Сибири теперь еще хуже, чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ, такъ какъ «Сибирь поставлена въ необходимость принимать всѣ отбросы изъ европейской Россіи, что оказываетъ гибельное вліяніе на патріархальное, но когдато честное и доброе туземное населеніе». Для каждаго наблюдателя такіе результаты трехсотлѣтней дѣятельности, конечно, не могутъ не быть неизумительны, въ особенности въ виду примѣровъ, даваемыхъ хотябы исторіею послѣдняго столѣтія». Затѣмъ, газета приводитъ въ примѣръ Америку, которая въ одно столѣтіе достигла невѣроятнаго процвѣтанія, гдѣ цивилизація коснулась дикихъ индійцевъ (?) и рабовъ-негровъ на столько, что они недалеки отъ культуры цивилизованной Европы. Австралія на столько ушла впередъ, что сибиряки не могутъ себѣ и представить; а Таитяне изъ дикаго состоянія поднялись до того, что засѣдаютъ въ парламентѣ и дошли до уничтоженія смертной казни, неотвѣчающей понятію о человѣческомъ достоинствѣ. Далѣе газета очень сожалѣетъ о томъ, что наша пресса, сознавая полнѣйшую негодность сибирскихъ порядковъ и то, что для Сибири ничего не сдѣлано, старалась оправдать нашу косность, при чемъ газета приводитъ выдержку изъ «Одесскаго Листка», какъ образчикъ розоваго взгляда на положеніе Сибири. «Мы, конечно, говорятъ «Новости», не настолько наивны, чтобы приписать почтенной газетѣ дѣйствительную увѣренность въ томъ, что «дѣла Сибири нѣсколько поправились» или что «нравственная физіономія Сибири измѣнилась къ лучшему»... «Не лучше ли прямо, открыто и честно смотрѣть въ глаза дѣйствительности, хотя бы въ ней «звучало» нѣчто «непріятное», или она возбуждала отвращеніе, негодованіе и ужасъ? Если чиновниковъ и женщинъ не обращаютъ, какъ прежде, въ лошадей, или обывателей не бьютъ плетьми, то значитъ ли это, что мы въ культурномъ отношеніи сдѣлали хоть одинъ шагъ впередъ?» Далѣе газета говоритъ, что открытіе сибирскаго университета не подвинетъ далеко образованія въ Сибири и не окажетъ на Сибирь особенно замѣтнаго вліянія, если только паралельно съ этимъ не будутъ открыты народныя школы. «Мы, сами собою разумѣется, не противъ сибир-

скаго университета, говоритъ газета, и если указываемъ на этотъ фактъ, то лишь для того, чтобы показать, на сколько такой аргументъ фальшивъ въ самомъ своемъ основаніи. Пусть будетъ не одинъ, а десять университетовъ, но дайте народу вмѣстѣ съ тѣмъ, и соотвѣтствующее его потребностямъ число школъ, училищъ и гимназій, чтобы были ступени, по которымъ онъ могъ бы добраться до этихъ университетовъ».

Наконецъ, по поводу состоявшагося празднованія юбилея Сибири появилась статья въ «Недѣлѣ» (8 ноября 1881 г., № 45 «Надежды и ожиданья Сибири»). «Одна изъ огромныхъ частей государства, составлявшая доселѣ нѣчто своеобразное по своему этнографическому складу, по своей жизни и исторіи, обособленная и изолированная обстоятельствами, выдѣляемая и доселѣ изъ общихъ гражданскихъ благъ, вступая въ новый фазисъ своего развитія, приготовилась ознаменовать свое 300-лѣтнее историческое существованіе актомъ сознательной жизни. Судьба и положеніе этаго края давно уже привлекаютъ вниманіе печати и русскаго общества. Къ сожалѣнію, край этотъ, богатый задатками будущности, остается доселѣ нетронутымъ реформами; его не коснулось еще обновленіе, онъ страдаетъ отъ безпорядковъ и злоупотребленій; экономическая жизнь его въ застоѣ, множество вопросовъ, поднятыхъ жизнью, остаются не разрѣшенными. Не смотря на безпрестанныя жалобы, на неудобства и затрудненія, порождаемыя ссылкою уголовныхъ преступниковъ въ среду здороваго гражданскаго общества, Сибирь продолжаетъ получать отброски и нечистоты общества; здоровая, свободная колонизація, могущая быть благодѣтельной для края, встрѣчаетъ задержки и далеко не имѣетъ надлежащаго простора», такъ начинается эта статья. Далѣе газета замѣчаетъ, что всѣ эти потребности были отмѣчены не разъ печатью, какъ столичною, такъ и мѣстною, и что весьма естественно, что празднованіе юбилея поднимаетъ гражданскія чувства сибирскаго общества и привлекаетъ вниманіе Россіи къ этой заброшенной странѣ. «Ни администрація, ни русское общество, ни печать не могутъ относиться къ нему (сибирскому краю) безучастно; тѣмъ менѣе могутъ отнестись равнодушно сибиряки къ весьма важному моменту своей жизни. Понятны по этому тѣ чувства и тѣ напряженныя ожиданія, которыя испытываетъ сибирское общество передъ своимъ юбилеемъ».

Выразивъ сожалѣніе относительно того, что не былъ опредѣленъ археологами день присоединенія Сибири, «Недѣля» говоритъ, что все же это обстоятельство не мѣшало выразиться общественному настроенію въ надлежащей ясности и опредѣленности. «Сибирскій юбилей важенъ для сибиряковъ, продолжаетъ газета, не въ смыслѣ одной памяти о прошломъ: онъ имѣетъ большое значеніе и для будущаго. Въ сердцѣ этого края таятся робкія надежды, въ молодомъ тѣлѣ начинаетъ бить пульсъ общественной жизни».

Далѣе, указавъ на состоявшіеся обѣды въ честь этого юбилея, газета

находитъ неумѣстнымъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ и органовъ печати, выражавшихъ сомнѣніе въ нужности подобнаго торжества. Такія лица, по мнѣнію газеты, лишены всякой отзывчивости къ общественнымъ вопросамъ, такъ какъ они не могли усмотрѣть, что этотъ юбилей имѣетъ «огромное значеніе въ народной исторіи». Для доказательства важности и умѣстности этого юбилея газета ссылается на тѣ заявленія о нуждахъ края, какія сдѣланы были сибирскими дѣятелями на самомъ обѣдѣ.

«Что касается самаго сибирскаго обѣда, говоритъ газета, то это было объединеніе лицъ, связанныхъ съ Сибирью жизнью и дѣятельностью и составляющихъ извѣстную областную группу въ средѣ другихъ, выставляемыхъ русской жизнью. Мы позволили себѣ коснуться заявленій этой группы, какъ они выразились въ рѣчахъ сибиряковъ и лицъ, близко знакомыхъ съ этой областью».

Потомъ газета говоритъ о Петербургскомъ и Московскомъ обѣдахъ, на которыхъ присутствовало около 300 челов. представителей Сибири.

Перебравъ рѣчи ораторовъ и, перечисливъ выраженныя нужды и пожеланія, газета резюмируетъ:

«Изъ этого видно, что предположенія о какомъ то легкомысленномъ торжествѣ и безцѣльномъ ликованіи сибиряковъ надъ своимъ прошлымъ, выраженныя петербургскими пророками (см. напр. «Новости» и «Биржевая Газета») не совсѣмъ оправдались. Не смотря на минутную восторженность подъ вліяніемъ искренняго обмѣна чувствъ между земляками, между дѣтьми одной злосчастной страны, въ общемъ тонѣ рѣчей звучала несврываемая грусть о судьбахъ края и его настоящемъ положеніи».

«На этомъ гражданскомъ праздникѣ сибиряковъ, говоритъ авторъ, мы представляемъ себѣ отдаленную и загадочную страну, молодую, прекрасную, съ богатыми задатками жизни, но тѣмъ не менѣе печальную и полную раздумья, подобно невѣстѣ, увѣнчанной цвѣтами, но сохраняющей слѣды слезъ на блѣдномъ лицѣ. Что сулитъ ей историческая жизнь грядущаго, оправдаетъ ли она свѣтлыя надежды, доступно ли будетъ ей человѣческое счастье, къ которому она стремится,—вотъ что выражаетъ взоръ ея, устремленный въ даль будущаго», такъ оканчивается эта статья.

Кромѣ того по поводу 300-лѣтія помѣстили статьи мѣстныя изданія «Сибирь» и «Сибирская Газета»; въ газетѣ «Сибирь» находится цѣлый рядъ статей въ 1879, 1880 и 1881 г., а въ «Сибирской Газетѣ» съ 1-го января 1881 г. За тѣмъ помѣщены въ газ. «Волга» № 53, 1881 г. «Трехсотлѣтній юбилей Сибири» и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» № 235 «Завоеваніе Сибирскаго Царства» (23 и 26 октября 1881 г.). Въ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ находится описаніе древностей и памятниковъ, а также раскопокъ, совершенныхъ около Искера г. Знаменскимъ и находокъ, относящихся ко времени завоеванія Сибири.

Изъ другихъ статей и монографій болѣе крупнаго содержанія мы

должны упомянуть о Лѣтописи Сибирской Кунгурскаго, изданной ко времени 300-лѣтія г. Зостомъ въ 1880 г. [1]); Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской Державѣ Л. Майкова. С.-Петербургъ, изд. 1881 г. и статья Трехсотлѣтіе Сибири съ 26 октября 1581 г. Н. Ядринцева, вошедшая въ 12 кн. «Вѣстника Европы» въ 1881 г. Въ послѣдней статьѣ также изложенъ взглядъ на празднованіе трехсотлѣтія. Не вдаваясь въ споръ о срокѣ празднованія, авторъ указываетъ на историческій моментъ, переживаемый Сибирью и устанавляетъ связь прошлаго съ настоящимъ. Говоря объ актѣ завоеванія и движенія русскаго народа на Востокъ, онъ приходитъ къ заключенію, что историческая задача наша въ Сибири еще не кончена. Заселеніе ея продолжается. Разсматривая пережитые періоды за періодомъ самоустройства, обзаведенія за періодомъ культурнаго земледѣльческаго развитія страны и періодомъ гражданственности, авторъ видитъ еще возникающій періодъ духовной жизни народа. Далѣе авторъ пробуетъ отмѣтить этотъ періодъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Въ настоящую минуту, на грани трехсотлѣтія, наступаетъ и для Сибири уже этотъ періодъ сознательной жизни и пониманія своей роли въ будущемъ. Въ сложившемся обществѣ съ четырьмя милліонами русскаго населенія на востокѣ выступаютъ стремленія къ развитію своихъ экономическихъ, матеріальныхъ и умственныхъ силъ; гражданскія и образовательныя потребности въ этихъ стремленіяхъ начинаютъ занимать извѣстную роль. Этимъ сознаніемъ своего общечеловѣческаго существованія и сознательнымъ отношеніемъ къ своей жизни начинается новый періодъ сибирской исторіи.

Въ послѣднее время выдвигается нѣсколько весьма видныхъ мѣстныхъ потребностей и нуждъ этого общества, которыя не могутъ остаться безъ отвѣта въ государственной жизни Россіи. Онѣ состоятъ въ распространеніи на Сибирь гражданскихъ правъ, которыми пользуются уже подданные европейской Россіи. Сибирское общество ждетъ введенія земства, новаго гласнаго суда, распространенія образованія, гарантій личности и лучшаго общественнаго существованія.

Дарованіе самоуправленія, водвореніе правосудія и справедливости для этого несчастнаго края становится тѣмъ необходимѣе, что Сибирь въ продолженіе всего прошлаго существованія испытала много притѣсненій, несправедливостей и неустройствъ. Эти бѣдствія начались съ воеводскаго управленія; произволъ господствовалъ въ Сибири болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, край подвергался всевозможнымъ злоупотребленіямъ, и жизнь его остается далеко не устроенной до послѣдняго времени.

---

[1]) Въ Москвѣ къ 300-лѣтію изданъ каталогъ актовъ и бумагъ по Сибирскимъ дѣламъ, хранящимся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Каталогъ этотъ составленъ весьма тщательно г. Пуцилло.

*

Между тѣмъ нынѣ выступаютъ многочисленные общественные вопросы и нужды, требующія настоятельнаго удовлетворенія. Къ такимъ принадлежатъ: отмѣна уголовной ссылки, мѣшающей безопасности и развитію гражданской жизни, организація переселеній, устройство быта инородцевъ, принятіе мѣръ противъ міроѣдства и кулачества, улучшеніе участи золотопромышленныхъ рабочихъ, и многія другія. Наконецъ, въ краѣ является потребность умственной жизни, стремленіе къ гласности, желаніе разрабатывать общественныя нужды путемъ печати; общество желаетъ гарантій для личности и защиты отъ мѣстнаго произвола. Выраженіе всѣхъ этихъ нуждъ проявляется въ послѣднее время довольно опредѣленно и ясно не только въ печати, но въ рядѣ заявленій представителей обществъ, выраженныхъ ко дню трехсотлѣтія. Такія заявленія сдѣланы Енисейскою, Иркутскою и Томскою думами, причемъ положено ходатайствовать о введеніи реформъ. Какъ выраженіе этихъ общественныхъ желаній, мы приведемъ предложеніе гласнаго Енисейской думы Скорнякова, принятое думою.

«Въ нынѣшнемъ году, какъ извѣстно, минетъ 300 лѣтъ Сибири; періодъ, кажется, слишкомъ долгій для того, чтобы развиться, окрѣпнуть и встать на ноги; но, оглядываясь на прошлое, сердце невольно сжимается, не видя ничего отраднаго и ничего прочнаго. Есть только слабые, кое-гдѣ, зачатки, но все это блѣдно, чахоточно; видно, что чего-то для развитія недостаетъ. Мертвенность эта можетъ удовлетворять только человѣка, долго жившаго исключительно личными интересами, которому чужды всякіе интересы своей родины; но для человѣка, который хоть сколько нибудь заглядываетъ въ будущее, для человѣка интеллигентнаго, для человѣка, такъ или иначе заботящагося о благѣ своей родины, мертвенность эта способна убить всякую энергію къ дѣятельности, вселить опасное чувство равнодушія къ жизни своей родины и такимъ путемъ убить въ ней всякую жизненность и способность къ развитію. Не пора-ли очнуться намъ? Не пора ли заявить свои кровныя нужды теперь на рубежѣ трехсотлѣтія Сибири, на ея трехсотлѣтней тризнѣ? Въ чемъ состоятъ наши нужды, — нужно-ли говорить объ этомъ; нужно-ли повторять то, что давно уже высказано передовыми людьми Сибири и ея представительницею, печатью? Мнѣ кажется, говорить объ этомъ всегда не лишнее, а тѣмъ болѣе теперь, когда правительство выступило на путь преобразованій и улучшеній, когда лица, стоящія во главѣ управленія, призываютъ общество къ совмѣстной съ ними дѣятельности и, наконецъ, когда съ высотъ престола раздались радостныя слова Государя, что, вступая на него, онъ посвятитъ себя прежде всего дѣлу внутренняго развитія, будетъ служить Россіи, ея благоденствію, надѣясь заслужить любовь. Наше трехсотлѣтнее существованіе даетъ намъ право говорить о своихъ пользахъ и нуждахъ, и теперь мнѣ кажется лучшее для этого время. Нужды Сибири, нужды наши слишкомъ велики и обширны; велики потому, что мы дома, почти 300 лѣтъ были пасынками

Россіи, были обдѣлены всѣмъ, за исключеніемъ лишь извѣстнаго законодательнаго акта 16 іюня 1870 г., распространившагося и на сибирскую окраину. Наша мать Россія уже пользовалась многими коренными реформами; мы же, сибиряки, страдая отъ нашихъ неурядицъ, могли только плакаться и завидовать ей. Поэтому-то наши нужды и требованія и должны быть обширны и велики; но это не должно смущать насъ, потому что, пріобрѣтая коренныя измѣненія и улучшенія въ нашей жизни, мы пріобрѣтемъ залогъ для нашего лучшаго будущаго, вступимъ въ общечеловѣческія права, дѣлающія жизнь человѣка похожею на жизнь человѣка въ полномъ смыслѣ слова.

Наши первыя и настоятельныя нужды—это введеніе земства, гласнаго суда, свободы печати и слова, свободы личности и имущественной неприкосновенности, свободы переселеній и прекращенія ссылки въ Сибирь.

«Пріобрѣтая ихъ, мы пріобрѣтемъ нужную и великую силу для борьбы съ невѣжествомъ, съ бѣдностью нашей жизни, произволомъ суда и администраціи, обезопасимъ свою личность и имущество отъ вторженія разныхъ хищниковъ Сибири. Вотъ объ этихъ то нуждахъ нашихъ наступила теперь пора, г.г. гласные, позаботиться. Намъ предстоитъ объ нихъ ходатайствовать предъ Государемъ, на рубежѣ нашего трехсотлѣтія, чтобы съ новыми полномочіями вступить на новый путь общественной самодѣятельности для служенія благу нашего края» [1]).

Въ этихъ заявленіяхъ сказываются тѣ ожиданія, которыя волнуютъ общество, а также сказывается вся важность переживаемаго историческаго момента.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что развитіе страны достигло въ настоящее время извѣстной гражданской зрѣлости, и моментъ трехсотлѣтняго юбилея совпадаетъ съ моментомъ ожидаемаго полноправія. Необходимость сибирскихъ реформъ до такой степени ясно сознается нынѣ правительствомъ и обществомъ, что трудно предполагать, чтобы настоятельныя нужды населенія не были удовлетворены. Русскій народъ, совершившій не мало заслугъ на окраинахъ, пріобрѣтшій цѣлую страну, доставившій въ эти три столѣтія огромныя богатства государственной казнѣ, конечно не будетъ лишенъ общихъ гражданскихъ правъ. Его способности къ самостоятельной жизни, его таланты къ самоустройству и общественному хозяйству достаточно выразились въ новой странѣ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Сибирское населеніе, жившее внѣ опеки крѣпостного права, давно пріобрѣло навыкъ къ самоуправленію, а борьба съ обстоятельствами сдѣ-

[1]) Приводя заявленіе гласнаго енисейской думы, напечатанное отчасти уже въ газетахъ, мы должны присовокупить, что тѣ же общія надежды и желанія единодушно выражены въ различныхъ рѣчахъ на Сибирскихъ обѣдахъ Петербурга и Москвы: объ этихъ нуждахъ края рѣшено начать ходатайство (См. «Недѣлю», 8 ноября, № 45).

лала его развитымъ, бойкимъ и предпріимчивымъ. Въ правоспособности свободнаго сибирскаго населенія едва-ли могутъ встрѣтиться сомнѣнія: къ этому самосознанію и самодѣятельности уже призывалъ сибирское общество Сперанскій 50 лѣтъ тому назадъ.

Такимъ образомъ, послѣ предшествовавшей работы для этого края, ожидается еще большее развитіе внутреннихъ силъ. Если до сихъ поръ народная жизнь и народныя стремленія въ обширной колоніи Россіи, слагаясь инстинктивно и почти безсознательно, совершили многотрудную историческую работу, то есть полное основаніе предполагать, что тѣже силы, призванныя къ болѣе сознательной жизни, способны будутъ тѣмъ болѣе доказать свою жизненность при условіяхъ внутренняго самоусовершенствованія.

Пробужденіе общественной самодѣятельности, развитіе образованія на востокѣ и осуществленіе подготовляющагося университета можетъ создать иную, лучшую, роль сибирской окраинѣ, а европейскія условія существованія придадутъ этому безжизненному краю свѣтъ и тепло цивилизаціи. Должно принять во вниманіе, что, не смотря на трехсотлѣтіе, сибирское общество все-таки—исторически молодое общество, а судьба молодыхъ обществъ и колоній весьма часто представляетъ завидное существованіе сравнительно съ старыми обществами, пережившими долгую жизнь. Если первыя изжили многое, потерпѣли много разочарованій и огорченій, исчерпали богатства, истощили земли, наклонны къ сохраненію старины и къ косности, обладаютъ часто предразсудками старчества, принуждены бороться съ неодолимыми препятствіями, созданными предшествовавшими ошибками, то вторыя свободны отъ многихъ изъ этихъ неудобствъ. Они кипятъ избыткомъ силъ производительности, обладаютъ многими дарами природы, стоятъ у начала исторіи; дорога ихъ—торная, можетъ быть, не сулящая многихъ превратностей; они не имѣютъ предразсудковъ стараго міра и такъ сказать на обломкахъ старыхъ цивилизацій свободны создать новую лучшую жизнь, обвитую свѣжими розами.

Нерѣдко великія идеи и плоды человѣческаго прогресса доступнѣе колоніямъ, и онѣ прогрессируютъ быстрѣе метрополій. На западѣ не рѣдко изъ нихъ развертываются новые государственные организмы, создающія новыя цивилизаціи.

Мы далеки, чтобъ мечтать о подобномъ будущемъ и сближать судьбы европейскихъ колоній съ нашей далекой и глухой окраиной.

Нечего говорить, какъ она стоитъ неизмѣримо ихъ ниже, здѣсь нѣтъ даже отдаленнаго сходства. Америка и Австралія, на которыя часто указываютъ, въ гораздо кратчайшій періодъ, оказали величайшіе успѣхи въ смыслѣ развитія гражданской и культурной промышленной жизни. Но величіе колоній и успѣхи ихъ прежде всего зависятъ отъ степени развитія самой народности, ее выдѣлившей, какъ и отъ гражданской среды, создав-

щей новыя ячейки населенія. Не смотря на то и европейскія колоніи терпѣли многія превратности. Достаточно припомнить, что Сѣверная Америка испытала горькія несправедливости Англіи, а Австралія только недавно освободилась отъ ссылки. Сибирь же была все-таки продуктомъ старой Россіи и тѣсно связана съ ея жизнью и условіями развитія. Тѣ преграды, задержки и недостатки развитія, которыя разъѣдали русскую жизнь, еще больнѣе и острѣе чувствовались на окраинахъ; вотъ почему развитіе Сибири, какъ части русскаго общества, подвергалось скорѣе законамъ и условіямъ развитія русской жизни со всѣми случайностями, чѣмъ жизни европейской.

Но тѣмъ не менѣе и здѣсь есть извѣстная разница въ прожитыхъ періодахъ, въ условіяхъ новаго существованія и въ задаткахъ жизни, и здѣсь не можетъ не чувствоваться жизнь молодого воспріимчиваго организма. Культурное развитіе, благодаря естественнымъ богатствамъ и простору, можетъ явиться пышнѣе и богаче, общественный складъ самобытнѣе и оригинальнѣе; въ новомъ положеніи страны могутъ явиться и новыя задачи.

Географическое положеніе въ Азіи, связывающее европейскій міръ съ азіатскимъ, указываетъ этому краю нѣкоторую своеобразную политическую роль и значеніе въ будущемъ. Конечно, азіатскія народности не всегда останутся въ періодѣ косности, замкнутости и полуварварства. Когда-нибудь здѣсь предвидится великая общечеловѣческая работа. Для того, чтобы выполнить ее, необходимы всѣ средства цивилизаціи и прежде всего собственное развитіе.

Нельзя не предсказать, такимъ образомъ, для этого края все-таки извѣстной будущности и участія его въ міровой исторіи.

Стоя у начала историческаго процесса, у колыбели нарождающагося существованія, естественно остановиться мыслью на этомъ будущемъ и сознать задачи, налагаемыя современностью.

Въ интересахъ человѣчества, какъ и въ интересахъ русской народности, наступаетъ время призвать наши окраины къ новой жизни, пробудить ихъ общественныя силы къ самодѣятельности, и тѣмъ положить начало новому историческому періоду. Признаніе совершеннолѣтія общества, дарованіе ему гражданскихъ правъ, удовлетвореніе общечеловѣческихъ стремленій есть священнѣйшій долгъ метрополіи по отношенію ко всей молодой развивающейся на ея рукахъ странѣ: великая обязанность налагается на нее Провидѣніемъ передъ лицомъ всего человѣчества и будущей исторіи. («Вѣстникъ Европы» кн. 12).

Такими пожеланіями и ожиданіями сопровождался Сибирскій юбилей. Насколько оправдаются эти ожиданія, покажетъ будущее и предстоящій офиціальный юбилей въ 1883 г. Нашъ же скромный трудъ былъ вызванъ желаніемъ собрать матеріалъ, тѣхъ заявленій и размышленій по поводу

трехсотлѣтія этого отдаленнаго края, которыя были выражены лицами заинтересованными судьбами края и желавшими ему блага.

Въ заключеніе мы должны прибавить, что соединеніе и сближеніе Сибиряковъ и лицъ, посвятившихъ труды свои краю кромѣ указаннаго ходатайства, не обошлись безъ практическихъ послѣдствій. Участвующими и учредителями обѣда положено просить разрѣшеніе объ основаніи въ Петербургѣ и Москвѣ «общества для вспомоществованія нуждающейся Сибирской молодежи въ учебныхъ заведеніяхъ». Уставъ этого общества выработанъ и представленъ по принадлежности.

Тѣсная связь этого ходатайства съ одной стороны съ юбилеемъ, съ другой стороны—съ настоящей брошюрой, даетъ намъ право заключить послѣднюю извлеченіемъ, имѣющихъ полную достовѣрность, статистическихъ свѣдѣній изъ пояснительной записки къ проекту устава Общества содѣйствія учащимся сибирякамъ.

Въ Медико-Хирургической Академіи училось сибиряковъ:

$18^{69}\|_{70}$	$18^{70}\|_{71}$	$18^{71}\|_{72}$	$18^{72}\|_{73}$	$18^{73}\|_{74}$	$18^{74}\|_{75}$	$18^{75}\|_{76}$	$18^{76}\|_{77}$	$18^{77}\|_{78}$	$18^{78}\|_{79}$
22	23	21	20	29	26	33	29	37	44

За тоже десятилѣтіе на другихъ медицинскихъ факультетахъ обучалось сибиряковъ по 15 человѣкъ въ годъ.

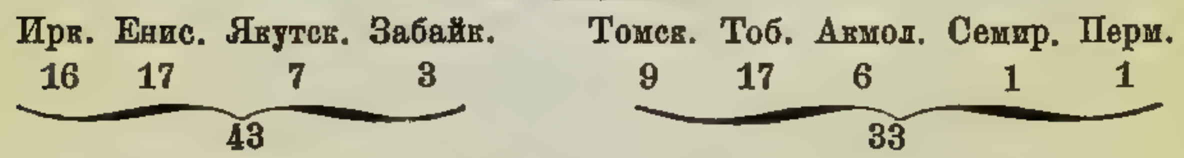
Въ высшихъ и спеціальныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга учится въ настоящее время 77 сибиряковъ, именно: въ Университетѣ 44, въ Военно-Медицинской Академіи 23, въ Технологическомъ Институтѣ 3, въ Ветеринарномъ Институтѣ 2, въ Филологическомъ Институтѣ 2, въ Строительномъ Училищѣ 1 и въ Академіи Художествъ 2. По курсамъ и губерніямъ эти учащіеся располагаются такъ:

По курсамъ состоятъ на

Оконч. курсъ	V	IV	III	II	I
1	14	16	12	16	18

По губерніямъ.

Ирк.	Енис.	Якутск.	Забайк.	Томск.	Тоб.	Акмол.	Семир.	Перм.
16	17	7	3	9	17	6	1	1

43   33

Изъ 44 университетскихъ студентовъ 26 человѣкъ учатся на естественномъ факультетѣ, 11 на юридическомъ, 6 на математическомъ, 1 на филологическомъ. Изъ 23 медиковъ 1 оканчиваетъ курсъ.

Сибирячекъ обучается въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ 42, изъ нихъ 23 на Бестужевскихъ курсахъ, 9 на врачебныхъ, на акушерскихъ 4, на фельдшерскихъ 3, въ учительской семинаріи 1, въ школѣ дантистовъ 1, въ Академіи Художествъ 1.

По курсамъ и губерніямъ распредѣленіе ихъ таково:

По курсамъ.						По губерніямъ.				
На	V	IV	III	II	I	Ирк.	Енис.	Томск.	Тобол.	Акмол.
	1	5	7	17	12	13	8	15	3	3
						21		21		

Собранныя свѣдѣнія относительно 95 учащихся сибиряковъ показали, что 24 изъ нихъ, вовсе не обезпечены въ своемъ существованіи, именно 15 сибиряковъ и 9 сибирячекъ. По курсамъ и губерніямъ не обезпеченные располагаются такъ:

на	V	IV	III	II	I	Ирк.	Енис.	Заб.	Томск.	Тоб.	Семир.
Сибиряки . .	1	3	2	4	5	2	4	2	3	3	1
Сибирячки . .	—	2	—	5	2	2	3	—	4	—	—

Изъ числа необезпеченныхъ студентовъ 3 приходится на Военно-Медицинскую Академію, 11 на университетъ и 1 на Технологическій Институтъ. Изъ 9 необезпеченныхъ въ своемъ существованіи сибирячекъ учатся: 1 на медицинскихъ, 4 на Бестужевскихъ, 2 на акушерскихъ, 1 на фельдшерскихъ и 1 въ Академіи Художествъ.

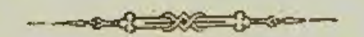
Средства учащихся сибиряковъ и сибирячекъ.

Число лицъ.		Сколько получ. въ мѣсяцъ.
4	Не имѣютъ никакихъ средствъ.	
2	Получаютъ по	12 р.
4	» »	15 »
15	» »	20 »
2	» »	22 »
40	» »	25 »
1	» »	27 »
27	» »	30 »
8	» »	35 »
9	» »	40 »
4	» »	50 »
1	» »	75 »
1	» »	80 »
Всѣхъ 118.		

Означеніе источниковъ изъ которыхъ сибиряки получаютъ средства.

	Число лицъ.
Отъ родителей и родственниковъ	47
Опредѣленныхъ средствъ нѣтъ у	22

	Число лицъ.
Стипендіатовъ частныхъ лицъ	16
Собственныя средства есть у	11
Стипендіатовъ Вост. Сибири Военн. вѣд. (медики)	4
Пособіе отъ Тобольск. общества вспомощ. учащимся	4
Стипендіатовъ Академіи (медики военнаго вѣдомства)	2
Пособіе отъ Общества вспомощ. учащ. Восточной Сибири	2
Стипендіатъ Вост. Сибири Горнаго вѣдомства	1
Университетскій стипендіатъ	1
Стипендіатъ Министерства Народнаго Просвѣщенія	1
Стипендіатъ Иркутской думы	1
Стипендіатъ Томской думы	1
Стипендіатъ Тюменскаго купечества	1
Ни отъ куда ничего не получаютъ	4
	118

ОГЛАВЛЕНІЕ.

